

Олег Ерёмин
Дорога в Небо

История пятая
Покорение
межпланетчиков

Очередная веха на пути Человечества в космос. Первая экспедиция к крупным астероидам. Но даже это не самое главное событие конца тридцатых годов двадцать первого века. Важнее другое - смена поколений. Уже появились на свет те, кому идти дальше.

01.01.2037.

Космос.

— Малахиты, как слышите? — с сильным акцентом послышалось из динамика связи.

Мераб Амалиев, торопливо проглотил ложку удивительно вкусного салата, в который Алиса Лоскутова накрошила драгоценную зелень из оранжереи. Легко поднялся из-за праздничного стола, тремя медленными скользящими шагами подошел к терминалу и, переключившись на международную частоту, ответил:

— Очень хорошо тебя слышу, Огюст!

— И я тоже, — расслабленно отозвался Фидель Лукин, пролетающий сейчас на лунной орбитальной станции над кратером Коперник.

— С Новым годом! — на два голоса громко поздравили французские космонавты.

— Спасибо! — так же дружно ответили Фидель и Мераб.

— Поле и Алисе особые поздравления! Целуем руки!

— Благодарю, месье! — на неплохом французском отозвалась Полина Пестова, легкой лунной походкой подходя к микрофону. — Зря вы к нам не приехали! Вместе веселей бы отпраздновали.

— Я тоже так думаю! — перешел на родной язык Огюст Жермен. — Но плохие люди на Земле не разрешили. Сказали, что это первый Новый год, который мы на Луне празднуем, и родная Франция вся обидится, если мы будем в это время не пить «марсельезу», а с русскими водку пить.

— Так бы мы вам и дали нашу водку распивать! — встрял Фидель.

— Жалко у вас кораблик маленький, — вздохнула Алиса Лоскутова. — А то мы бы к вам сами в гости отправились, но нас целых пять человек, не поместимся.

— Увы, — сокрушенно отозвался Огюст. — Вот через пять лет мы тоже большую базу построим! Будем в гости кататься!

— Малахиты, с Новым годом! — раздался новый голос на английском.

И сразу же за ним еще один:

— С новиму годому!

— Спасибо, Рамачандра, Ямамура-сан! — ответил Мераб. — А вас еще раз с наступившим!

Новый год шел по Луне. Первыми встретили его трое японских космолетчиков на орбитальной станции. Затем пришла очередь индийцев, буквально месяц назад опустивших на поверхность спутника Земли первый модуль своей будущей базы.

А теперь праздновали пятеро россиян на недавно достроенной станции. Через три часа праздник доберется до французов.

Только китайцы не праздновали. Они принципиально отмечали Новый год по восточному календарю, а в этот день решили сделать кое-что другое.

Чжай Деминг остановил тележку на гребне кратера Шеклтон, в центре которого расположилось несколько строений автоматической лунной станции США.

Тайконавт чуть ли не физически ощущал, как на него нацелились объективы. А может быть и не только они.

Наверняка у американцев тоже есть оружие. Все-таки соседство со своими давними врагами — вещь опасная.

«Ну, пусть понервничают!» — позлорадствовал китаец.

Он представил, какой переполох сейчас в Хьюстоне. Как суетятся гражданские и нервничают генералы.

— С Новым годом, — прошептал Чжай Деминг по-китайски и пустил строго вверх ракету.

Она расцвела над его головой вспышками салюта.

«Вот теперь можно и возвращаться!» — подумал подполковник китайской народной армии, и повернул тележку в обратный путь к своей базе.

Кроме 18 человек, которые в этот день находились на Луне и ее орбите, в космосе первого января 2037 года трудились еще 27 космонавтов. Они разместились на восьми больших и маленьких станциях. Еще две станции — российский «Порт» и американская «Верфь-01» сейчас пустовали, ожидая следующей смены.

Кроме того, Новый год в космосе встречало еще двенадцать человек: пять пилотов частных компаний и семеро туристов. Европейское аэрокосмическое агентство и частные компании Североатлантической конфедерации США продолжали ревностно исповедовать либеральные ценности. Как известно, на вершине «пирамиды Маслоу» располагаются особенно возвышенные потребности самых успешных членов общества. Например, потребность потратить несколько десятков миллионов долларов и слетать на Новый год в космос. Это ведь гораздо важнее для человечества, чем строить базы на Луне, не правда ли?

А вот на японской «Камару» работа кипела.

То есть сейчас, когда россияне праздновали Новый год, японцы только просыпались. Сака Кента проделал утренние процедуры, позавтракал, вместе с двумя товарищами облачился в скафандр и покинул маленькую тесную орбитальную квартиру.

Перед ним распахнулся величественный вид на родную планету. Парень как всегда задержался на несколько секунд, любуюсь волшебной картиной, глубоко вздохнул и запустил ранцевый двигатель скафандра.

Впереди поблескивали в солнечном свете два толстых коротких ломтика бублика — первые сегменты будущего «колеса».

Кента не переставал благодарить Богов за то, что ему посчастливилось работать здесь — в четырехстах километрах над родной Японией. Пареньку из семьи потомственных рабочих корпорации Мицубиси удалось пробиться через невероятно сложные экзамены, победить три тысячи конкурентов, метивших на это же место и, пройдя напряженное обучение и подготовку, оказаться здесь.

Парень широко улыбнулся своим мыслям и включил тормозные двигатели. Мягко коснулся сегмента, который ему предстояло готовить к стыковке.

А у русских монтажников сегодня был выходной. Андрей Демьянов с грустью посмотрел в иллюминатор на дрейфующий неподалеку первый межпланетный корабль. То есть, его правильно было бы считать третьим, после грузового марсианского и «Странника». Но, как-то повелось, что Марс — это Марс, а межпланетные путешествия — это то, что дальше него. Так что «Циолковский», предназначенный для полетов к астероидам, считался родоначальником дальних кораблей.

Пока что на орбите был только новый буксир с мощным реактором почти в шестьдесят мегаватт и длинной трубой ускорителя. Сам «Циолковский» поднимут в космос через месяц и тогда бездельничать даже в праздники космонавтам никто не позволит. Монтаж противовесной системы — операция наисложнейшая.

А на планете под ними жизнь шла своим чередом. Люди рождались, влюблялись, ходили на работу, занимались любимыми делами и всякой ерундой. И умирали, кто тихо в кровати, в окружении внуков и правнуков, а кто — на поле боя.

Индийская армия прижала избитые пакистанские дивизии к Инду и методично перемальывала, не давая переправиться на Родину.

Противник и рад был бы сдаться, вот только переговоров о капитуляции никто не вел. Два сожженных ядерными снарядами города привели один из самых миролюбивых народов Земли в такую ярость, что пощады от него было не дожидаться. Сверхдержава решила раз и навсегда разделаться со своим старым врагом.

Мировое сообщество сдержанно ворчало. Китай тайком, через третьи государства, помогал Пакистану, а страны Евросоюза и Североатлантическая конфедерация Соединенных Штатов Америки причитали и вопили о зверствах индийцев, но спасти голодающих пакистанцев не торопилась.

Впрочем, состояние воплей о нарушении прав человека и наплевательские отношения к этим самым человекам были характерны для осколков «старого запада». Так же они реагировали на войны в Африке, что огненным поясом протянулись к югу от Сахары и забрались в джунгли Конго, на непрекращающуюся драку всех со всеми на Аравийском полуострове, на растущую конфронтацию между КНР и Южным Треугольником.

Неспокойный наступил год, хотя, бывали и хуже.

Глава 2. Четыре японца

07.01.2037.

Звездный, Московской области.

В уютной кафешке за столиком возле окна разместились четверо космонавтов.

Это было бы совершенно обычным явлением, потому что кафе располагалось в сотне метров от главного корпуса Центра подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина. В вечерних сумерках, за пеленой медленно падающего снега, это трехэтажное здание виднелось расплывчатым призраком.

Необычность компании, потягивающей легкие коктейли и ковыряющейся в тарелочках с закусками, была в другом.

Все были японцами. Нет, космолетчики Страны Восходящего Солнца были здесь не редкостью, но до последнего времени их было только двое. После запуска собственной национальной программы освоения космоса Япония очень редко и неохотно шла на обмен космонавтами, предпочитая летать только на своих кораблях и на свои станции.

Единственным исключением была вторая экспедиция к Марсу, и то, только потому, что пока своего межпланетного корабля Джакса не изготовила и пришлось просить русских взять на борт «Странника» Хану Хаякаву. Та же история с полетом на Лютетию. Но внезапное изменение планов третьей марсианской экспедиции потребовало участия еще двоих космолетчиков.

— А здесь уютно, — прервал наступившее молчание Юкио Вада.

— И людей совсем мало, — поддакнул Горо Уэно. — Я думал русские будут праздновать. У них ведь сегодня Рождество.

— Они совсем по-другому его справляют, — сообщил Камэнаси Рёка, проживший в России четыре с половиной года. — Это праздник семейный, к тому же давно не государственный, только православные его отмечают. А остальные больше празднуют Старый Новый год.

— Это как? — удивился Вада и посмотрел на меланхолично потягивающую коктейль Хану.

Та не стала отвечать, предоставляя объяснять Рёке.

— По юлианскому исчислению, — пояснил тот. — Русские чтут традиции не меньше нас. И ужасно любят праздники.

— Это хорошо, — заметил Вада и тонко улыбнулся. — Предвкушаю, что посмотрю на них за время подготовки.

— Не обольщайся, — высказалась Хана. — Нас в такой оборот возьмут, что даже оглядываться по сторонам будет некогда.

— Что, правда? — делано ужаснулся Уэно.

— А тебя особенно! — злорадно усмехнулась Хаякава. — У вас старт через полгода!

— Ничего, потом будет время осмотреться и расслабиться, — с улыбкой сообщил Рёка. — Когда я к Марсу отправлюсь.

— Доволен? — спросила Хана своего старого друга и вечного соперника.

— Конечно! Ты же знаешь, я приготовился ждать еще лет пять, а тут полет подвернулся!

Хотя...

— Ну да, теперь Юкио-сан тебя со второй экспедиции к астероидам скорей всего подвинет, — поддакнул Уэно.

— Ничего, пускай, — согласился Рёка. — Полететь к Фобосу и разобраться, чего это Хана-тян с ним такого сотворила, еще интереснее! Я о другом.

Хана вопросительно поглядела на чуть замявшегося мужчину.

Он вздохнул и пожаловался:

— Не хочется от Даши улетать.

— Э?! — Хана даже подалась вперед.

— Врач-окулист из центра, — чуть смущенно сообщил Рёка. — У нас через месяц свадьба. Кстати, приглашаю всех вас.

— Ну, ты даешь! — удивилась Хана. — То-то я замечала вас вместе.

— Поздравляю! — улыбнулся Уэно. — Ты последний, кто женится в нашей группе. Кроме Ханы, естественно. Она у нас принципиальная холостячка.

Девушка прищурившись взглянула на мужчину. Но согласно кивнула.

— Камэнаси-сан, а можно я к тебе на свадьбу Хитоми позову? — спросил Вада.

— Конечно! — обрадовался Рёка. — Кстати, она ведь прошла?

— Да, — с довольным видом кивнул Вада. — В этот раз было почти четыре тысячи человек на место, но она победила и теперь наша коллега.

— Вы о Миякэ-сан? — с интересом осведомилась Хана.

— Конечно! — подтвердил Уэно. — Будет у нас своя космическая семья.

— То есть?

— Мы с ней уже давно поженились, — пояснил Вада.

— О как! — Хана даже откинулась на спинку кресла, посмотрела на своего одноклассника с уважением. — А я думала, ты просто так с ней романчик крутил тогда в горах.

— Нет, я уже тогда понял, что все серьезно, — мягко улыбнулся Вада.

— Уважуха! — по-русски высказалась Хана.

— Ну, так что, точно решила холостячкой остаться, — поддел ее Уэно. — Или, поглядев на нас, решишься кого-нибудь осчастливить?

— Не дождетесь!

Месяц спустя Хана с удивлением вертела в руках букетик цветов, который поймала в ловком прыжке.

Глава 3. Не игра

18.04.2037.

Киберпространство.

Рыженькая эльфийка сидела, уютно положив голову на плечо темноволосого воина. Ей было наплевать, что стальной наплечник должен быть холодным и жестким.

Современные игры еще не научились передавать тактильные ощущения.

И это не радовало Элен. Она бы очень многое отдала, чтобы не просто видеть эту картинку в глубине 3D-монитора, а оказаться в виртуальном мире, ощутить всем телом близость с любимым. Но пока что приходилось пользоваться хорошо развитым воображением.

И оно помогало, даже слишком. Девушка ощущала настоящую истому и легкое головокружение. А, когда в уголке монитора замигала иконка поцелуя, сердце учащенно забилось.

«Да», — радостно подтвердила она.

Юноша наклонился и нежно поцеловал эльфийскую принцессу. Камера услужливо изменила ракурс и приблизила изображение.

Фантастика, но Элен действительно почувствовала тепло его губ, как тогда, перед Новым годом, когда они прощались в московском аэропорту.

Возбуждение поднялось, и французенка, не глядя, нажала на клавишу, и значок поцелуя замигал чаще.

«Французский!» — подумала она и даже на секунду прикрыла глаза, чтобы лучше это вообразить. Правда, в реальной жизни ее опыт в подобных делах еще отсутствовал, но богатое воображение и бушующие в крови гормоны сделали свое дело.

«Ну же, не тормози!» — мысленно подогнала она Славика.

Но новороссец оказался парнем стеснительным и чересчур сильно боялся ее обидеть. А Элен все время напоказ его останавливала. Почти напоказ. Ее католическое воспитание из всех сил боролось с желанием близости, и последняя побеждала. Так что на самом деле девушка очень и очень хотела, чтобы Славик был смелее и активнее.

Две иконки — рука и грудь.

Первым порывом Элен было, как обычно нажать «Нет», но она слишком этого хотела.

«Да!»

И тут, разрушая головокружительную атмосферу виртуального секса, прозвенели колокольчики вызова.

Элен быстро отменила интимные действия.

Девушка и парень на экране отодвинулись друг от дружки и теперь имели вид приятелей, смотрящих на прекрасный закат.

Справа появился овал волшебного зеркала, на котором проявились две фигуры. Высокая блондинка и широкоплечий гном.

Почему Кэйлаш всегда выбирает блондинок — понять не трудно, но что за мания у

Тимура всегда играть гномами или дворфами?!

Вот они со Славиком создали персонажей максимально похожих на себя реальных. Элен даже настояла, чтобы ее парень, так же как она, оцифровал собственную фотографию! Она хотела видеть, как целуются их копии, а не непонятно кто!

— Элен, Славик, идемте на ивент! — весело предложила индианка. — Сегодня день потерявшегося дракончика! Надо его найти, спасти и ухаживать, тогда он вырастет и будет нашим общим питом! Правда, классно?

— Классно, — не могла не согласиться Элен. Хотя на самом деле больше всего сейчас желала, чтобы эта сладкая парочка отстала от нее и Славика и дала еще помиловаться. Может быть, сегодня они бы дошли...

От этих мыслей Элен вспыхнула, и у нее задрожали руки.

Игра «Любовь и Смерть» оправдывала свое название. Особенно его первую часть. Элен подозревала, что Кэйлаш специально выбрала именно ее. Эта фэнтезийная МОО РПГ была с рейтингом 16+ и очень хорошим симулятором отношений, который позволял даже... При чем в Индии, России и Франции игра шла без цензуры. Элен, когда думала, до чего у них со Славиком может дойти, густо краснела и прятала лицо в ближайшей подушке или хотя бы ладонях.

«Интересно, а Кэйлаш с Тимуром уже?..»

— Ну, так что, идем?

— Ну, можно, — с некоторым сомнением проговорил Славик. Его персонаж, реагируя на эмоцию, распознанную в голосе, почесал себе затылок, что вызвало улыбку у его спутницы. — У меня до отбоя еще два часа.

— Вот и замечательно! — отозвался Тимур. — Мы с Кэйлаш совы, а у Элен еще ранний вечер. Самое то, чтобы пройтись пати.

Элен вздохнула. А она так рассчитывала на эти два часа. Заперлась в своей комнате в башне замка и попросила не звать на ужин. А теперь придется ждать до следующих выходных, когда у Славика будет свободный вечер.

Ну почему время такая редкая ценность и его не хватает на самое интересное или приятное?

Она заставила свою эльфийку подняться и достала из сумки камень перемещений.

— Идемте!

Глава 4. Годовщина

07.07.2037.

ПГТ Раздольное, Республика Крым, РСФСР.

Я отказалась участвовать в мероприятиях посвященных двадцатилетию Войны. В каких-либо. Журналюги наверняка прекрасно знают, как война проехала по мне, что произошло со мной в этот день двадцать лет назад. И у меня не было ни малейшего желания отвечать на их вопросы, что-то рассказывать, вообще вспоминать тот жуткий день, что я провела заложницей у диверсантов.

До сих пор передергивает от воспоминаний.

К тому же у меня есть и еще одно личное горе, связанное с той войной.

Мы взяли такси и по широким автострадам за полтора часа добрались до Войкова, а там, свернув на тоже приличное шоссе, еще минут сорок ехали до Раздольного.

На автостраде машин было не очень много. А вот автобусы с отдыхающими попадались навстречу часто. Так уж повелось, что у нас в Крыму большинство курортников составляют новороссы. Особенно дети. Такое ощущение, что летом все маленькие жители республик перебираются к нам. Это и понятно — пионерские и комсомольские путевки бесплатные, доставку правительства тоже берут на себя.

Ехать по солнечному утру было бы даже приятно. Но водитель попался чересчур разговорчивый. Плотненький татарин с седыми висками всю дорогу пытался нас разговорить. Я отвечала односложно, а, когда устала увильнуть от вопросов о цели поездки и сказала, что проводываем могилу брата, Рафик вздохнул:

— Да, было тогда дело...

И принялся рассказывать, как его, недавно отслужившего срочную еще в украинской армии, призвали тогда в российскую. Но поехать не получилось, чему он рад.

— Промариновали полгода в тыловых частях и отправили домой. А у вас вот значит как...

И продолжил бесконечный шоферский монолог обо всем и ни о чем.

А я вполуха слушала его, иногда вставляя междометия, и радовалась, что не приходится изворачиваться и придумывать на ходу, кто я такая.

Мама почти всю дорогу подремала рядышком со мной, положив мне голову на плечо. А я вдруг отчетливо поняла, что она ведь у меня уже довольно пожилая. Шестьдесят один год все-таки. Недавно на пенсию пошла, хотя все еще продолжает работать бухгалтером в двух маленьких фирмочках. Я пыталась ее убедить, что при моих доходах это совершенно излишне, пока до меня не дошло, что ковыряться с цифрами в бухгалтерских программах просто доставляет ей удовольствие, сродни разгадыванию кроссвордов.

Хоть бы у нее все было хорошо со здоровьем! Как у бабушки с дедушкой. Те, не смотря на очень основательный возраст, были еще бодрячками. Но все равно страшновато за них. И ужасно хочется быть рядом, а не наезжать пару раз в год.

А между тем на горизонте бескрайней степи появилась зеленая полоска родного

поселка.

Он как-то очень быстро приблизился. И вот уже справа — семь пятиэтажек, выстроенных замысловатой фигурой. Мы с друзьями по двору все спорили: буква «Р», искаженная «Е» или вообще кабина грузовика.

Хрущевки были свежеекрашенные, яркие, как моложавые бабуси, пытающиеся макияжем и модной одеждой скрыть почтенный возраст.

Вообще, Раздольное почти не изменилось, как будто бурные двадцать лет, так сильно преобразившие страну, пролетели мимо.

Может это и хорошо.

Мы заехали на рынок и купили там несколько букетов цветов, а потом отправились на кладбище.

Рафаила отпустили до вечера. Мы арендовали электромобиль на весь день, так что водителю придется провести его в скучном поселке. Ничего, я не сомневаюсь, что он найдет, чем заняться.

А мы с мамой накинули на головы припасенные платки и зашли в небольшую церковь при кладбище. Вообще-то мама у меня тоже не верующая, а о себе — атеистке, я молчу. Но тут особое дело. Как с благословением перед полетом в космос. Традиция и мысли на задворках сознания: «На всякий случай. А то вдруг я ошибаюсь, и Бог есть?»

Так что мы поставили свечки и записали имена на поминальную молитву.

И вышли на яркое солнечное утро.

Могилу Андрея мы нашли сразу. Она была на удивление ухоженной, на недавно покрашенном памятнике стальная табличка и эмалированный значок в виде георгиевской ленточки. Понятно. Наверняка местным пионерам-комсомольцам дали задание следить за могилами погибших на Войне. Их на кладбище не мало. До передовой, где варился «Перекопский котел» рукой подать, и в поселковой больнице да развернутых лазаретах много молодых ребят умерло.

Мы положили цветы, покрошили печенюшки и встали с мамой плечом к плечу. Она тихо плакала, а у меня, хоть я и чувствовала комок в горле, но глаза оставались сухими.

Я уже очень плохо помню брата. Его лицо ускользает, и, если не смотреть на фотографию, черты вспомнить трудно. А голос я вообще не могу припомнить.

Мы в детстве не очень ладили. Андрей наверняка ревновал меня к родителям. Еще бы — младшая сестра оттянула на себя большую часть внимания и заботы. Только в последние годы, когда я подросла и стала что-то соображать, у нас налачился контакт. Он начал помогать мне с учебой, пару раз вступался за меня перед родителями, в основном отцом. И старательно подсаживал на анимэ.

«Интересно, а он хотел бы, чтобы я когда-нибудь сказала ему «Ани-и сан!» как это делают кawaiiные младшие сестренки главных героев? Кто знает, а сейчас уже и не спросить».

Все-таки Андрей был очень хорошим. Как бы я хотела с ним поговорить! Похвастаться тем, чего достигла, вместе посмотреть очередной сериал.

В глазах немного помутилось, и я смахнула появившиеся-таки слезы. Коротко вздохнула и обняла маму.

Потом мы долго плутали между могил пока не нашли покосившийся облупленный памятник с надписью «Сергей Владимирович Беляков, 1971–2033».

Возложили цветы, постояли.

Я давно уже простила отца. Но сохранилась горечь, жалость и обида.

«Почему, когда мы в тебе так нуждались, ты не смог нас поддержать?»

Теперь я понимаю, что он, таким вот образом, пытался сбежать от собственной боли. Но, все равно.

Я мысленно попросила прощение за то, что тогда не приехала на похороны, а до этого ни разу не заехала к нему в гости. Я все-таки его дочь, и совершила ту же ошибку — сберегала свои чувства, а не старалась помочь близкому человеку.

Дети наследуют не только хорошие черты.

Еще мы подошли к могилкам отцовых родителей. Я их совсем не помню, они умерли еще когда я в детский сад ходила.

Закончили мы свое печальное паломничество уже после обеда. Заглянули в контору кладбища, где я оставила приличную сумму на обустройство всех могилок. Назойливый представитель фирмы по производству памятников все крутился вокруг нас, предлагая эксклюзивные варианты, но мы выбрали простенькие и строгие. Не то, чтобы мне было на это жалко денег, просто я считаю, что память не на кладбище, а в сердце. И внешние атрибуты, стремление, чтобы «было не хуже, чем у других», тут неуместны.

Потом мы с мамой зашли пообедать в небольшое, но претензионное кафе в центре поселка. Наверняка одно из любимых мест тусовки молодежи.

И вот тут мое инкогнито было нарушено.

Барменша внимательно меня оглядела и всплеснула руками:

— Ой! Вы ведь Анастасия Белякова, да?!

Я не стала отнекиваться.

— А я с вами в одной школе училась! — похвасталась продавщица. — Только на два года старше! Ой, а вы к нам в гости, на родные места посмотреть? А вы слышали, что поселковый совет собирается нашу школу в честь вас назвать?! А то вторая школа имени Рябики, а наша была просто под номером всегда! Вы уж приедьте, пожалуйста, когда это будем праздновать!

— Постараюсь, — вздохнула я. — Если не буду занята на тренировках. Сами понимаете, у нас все строго.

— Я знаю, — кивнула барменша. — Ой, я вас совсем заговорила. Вы садитесь, мы сейчас вам поесть принесем, самое вкусное, что умеем, приготовим! А выпить что-нибудь налить?

— Нет, мы с мамой не пьем спиртное, — покачала я головой.

— А вот ваш отец любил сюда заходить, когда при деньгах бывал, — заметила продавщица.

Я невольно поморщилась. И быстро направилась к столику.

Когда ехали обратно я глядела в окошко и думала, что абсолютно не хочу больше сюда возвращаться. Да, я родилась в Раздольном. Прожила в нем славные тринадцать лет. И еще год. Но этот год, когда меня все травили, отец напивался и ругался с мамой, а у меня на сердце не заживала рана после гибели Андрея, перечеркнул все хорошее, что было до этого.

И теперь мой родной город — Ялта. Ну и Звездный, конечно.

Мне там выделили небольшую однокомнатную квартиру, в том же доме, где обитала Хана, и мы с ней приспособились попеременно жить то в ее квартирке, то в моей.

Игорь обещал поговорить с комендантом, чтобы нас поселили вместе, но, видимо, опять закрутился со своими новыми командирскими обязанностями.

Вот. А ведомственную квартиру в Королеве я вернула. Если честно, я даже боюсь туда приезжать. Боюсь встретиться с Романом. Он, правда, меня не донимает. Самолюбие не позволяет. И я этому рада. Потому, что совершенно не знаю, как себя с ним вести. Он ведь мне все равно симпатичен. Да и полгода, что мы были близки, никуда не денутся. Ну и... я открыла для себя еще одну сторону жизни, и теперь мне одной немного трудно. Хорошо хоть тренировки и занятия навалились так, что не продохнуть. До старта экспедиции меньше двух лет, а это очень мало, если по правде.

Так что, прощай мой родной поселок. Я постараюсь возвращаться сюда как можно реже, в идеале — никогда.

09.08.2037.

ПГТ Тывров, Винницкая область, Украина.

Славик тоже побывал на кладбище. Могила его матери была очень ухоженная и даже какая-то уютная. Было видно, что бабушка и дедушка приходят сюда часто.

Они стояли по бокам от внука и молчали.

И от такой тихой поддержки эти двое пожилых и совершенно незнакомых людей становились все роднее.

Сейчас Станислав Бойченко ни капельки не жалел, что решил провести свои последние каникулы в училище здесь, а не в далекой Франции.

Надо сказать, что для того, чтобы проехать четыреста километров в соседнюю страну, пришлось приложить усилий больше, чем если бы он отправился в Бургундию.

Заявление в консульство, куча документов, собеседования, проверки и перепроверки. И душевные разговоры с училищным начальством и КГБшниками.

Нет, Славика не отговаривали. Но настраивали очень и очень серьезно.

— Особенно предупреждаю тебя насчет досуга, — веско, как будто припечатывая каждое слово, говорил пожилой, сухой как высушенное дерево капитан госбезопасности. — Украина — это территория развлечений для жителей Евросоюза. Игорные дома, легкие наркотики, и, особенно, женщины низкой социальной ответственности. Эта индустрия дает второе место по доходам в бюджет. Почти столько же, сколько сельское хозяйство, и больше, чем деньги, которые присылают на родину три миллиона трудовых мигрантов. Ты парень молодой, и наверняка захочется погулять. Так вот — не вздумай! Украина — это еще и передовой форпост западных спецслужб. Они спят и видят, как бы завербовать перспективного военного из Новороссии. А у тебя, Бойченко, очень хорошее будущее вырисовывается. Не забудь его!

Если честно, то после таких вот лекций у Славика возникали мысли: «как бы все-таки попробовать запретный плод?»

Но он одергивал себя. Комсомольская совесть — это не пустые слова. Парень действительно верил в идеалы коммунизма. К тому же это было бы предательством по отношению к Элен.

Впрочем, Элен и без того сильно обиделась.

Девушка мечтала провести каникулы с любимым. Они долго обсуждали, что будет лучше — приехать ей в Новороссию, или ему во Францию. По всему выходило, что второй вариант предпочтительнее. Нет, нынешняя Николаевская республика совсем не та, какой была двадцать, или даже десять лет назад. По уровню жизни страна теперь не на много уступает той же России или Франции, а по социальной защищенности населения намного превосходит их. Но все-таки, богатой иностранке, после того, как она потратит уйму времени и нервов получая визу, будет здесь не очень уютно. Если, конечно, она не собирается все время просидеть в шикарной гостинице для интуристов.

А вот Станислава во Франции ожидало бы феерическое путешествие. Элен провела не один вечер, мечтая и планируя, как будет водить его по музеям, паркам, как будет показывать парню старинные города и великолепный Лазурный Берег.

Но... Он выбрал поездку на Украину.

— Ну и ладно! — заявила Элен, когда юноша виноватым голосом сказал ей о своем решении. — Лучше к университету подготовлюсь без тебя!

И разорвала соединение.

Да, Элен учудила — поступила в ВУЗ раньше Славика. Ей только-только исполнилось шестнадцать, ее сверстницы все еще ходили в школу, но домашнее образование не привязано так прочно к возрасту. Девушка и прежде намного опережала государственную программу, а, после возвращения из «Купола», взяла такой темп, что добила эту самую программу за полгода и без труда поступила в университет Дижона. На биологический факультет, где преподавал один из ее домашних педагогов. И дело не в личном знакомстве. Просто там была кафедра замкнутых биологических систем — как раз то, что нужно Элен.

А юный возраст — здесь он совершенно не важен.

Это в «Любовь и Смерть» она вынуждена была заходить с подпольно приобретенного левого социального аккаунта. Ограничение «16+» соблюдалось строго, вероятно, чтобы подкармливать хакеров, которые торговали доступом к игре несовершеннолетним. Элен это было очень неприятно. Она резко негативно относилась к противозаконным действиям. Но как бы иначе она могла бы видеться — и не только видеться — со Славиком? Но в свой день рождения она торжественно удалила уже неплохо прокачанного персонажа и зарегистрировалась по новой.

Уже потом, немного суеверная девушка подумала, что, удалив магичку Хлою, она невольно поставила подножку своим отношениям со Славиком. Впрочем, эти мысли придут к ней позже. Вместе с ощущением прозрачной стены, что начнет расти между ними, и в которую она, попеременно со Славиком, будут добавлять кирпичики. А сейчас она просто обиделась на юношу и с горечью распрощалась с мечтой встретиться с ним этим летом и побыть вдвоем по-настоящему, а не в игре.

Славик обо всех этих переживаниях даже и не догадывался. Хотя и понимал, что не очень хорошо поступил с подругой. Ему тоже ужасно хотелось повидаться с француженкой. Но она никуда не денется, а вот бабушка и дедушка уже старенькие, и кто знает, удастся ли их увидеть в другой раз. А сделать это было просто необходимо. Не мог Станислав Бойченко не порадовать самых родных людей. Ведь именно они растили его первые пять лет жизни, дарили заботу и любовь. Отец, по сути, выкрал мальчика, использовал его для своих нужд. А на самом деле никогда не любил.

Станислав отыскал маминых родителей два года назад. Это было очень непросто. Отношения с соседней страной все еще были крайне напряженными и неприязненными. На границах то и дело происходили спонтанные стычки. Но курсанту Бойченко удалось найти своих близких и связаться с ними.

Славик прекрасно помнил, как, смущаясь, первый раз заговорил с совершенно незнакомыми стариком и старушкой, изо всех сил, даже как-то болезненно, вглядывающихся в него с экрана коммуникатора. Они долго продирались сквозь неловкость и языковой барьер. Дед Семен и бабушка Мариша уже почти забыли русский язык, а Славик никогда не учил украинский.

Но это все было не важно. Главное ощутили все трое — неразрывную связь, что

протянулась через сотни километров, границы и море пролитой крови.

Ну как можно было не поехать к ним в гости, пусть даже обидев этим любимую девушку?

За последние два года Славик неплохо выучил украинский язык. И вовсе не как «язык вероятного противника», а для того, чтобы нормально общаться со своими близкими. Правда, общение это было не частым. После первого же разговора воспитанника Бойченко вызвал к себе в кабинет особист и строго предупредил, чтобы паренек не злоупотреблял контактами с «той стороной».

— Ты уже большой парень и должен понимать, — чуть усмехнулся в усы пожилой капитан с заправленным за пояс пустым левым рукавом. — Нам придется прослушивать и записывать все твои разговоры. Не заставляй ни в чем не повинных сотрудников заниматься лишней работой.

Славик, стоящий перед ним на вытяжку, только переглотнул.

— Давай договоримся об одном звонке в месяц или даже в два, длительностью не больше получаса. И, не пытайся придумать какие-нибудь обходные варианты: подставные номера, прокси сервера и прочую ерунду. Поверь, кибернетический отдел Комитета работает хорошо. Если что-то такое заметят, офицерских петлиц тебе не видать. Все понял?

— Так точно, — шепотом ответил Славик.

И объяснил старикам при следующем разговоре, что сможет звонить им лишь изредка. Семен Андреевич согласно покивал и хмыкнул:

— Ясное дело. Большой брат не дремлет. Тоталитаризм, однако.

Славик густо покраснел. Слово было знакомое и неприятно было слышать его в адрес своего государства.

Больше на политические темы они не заговаривали. Дедушка был умным человеком и понимал, что этим может испортить внуку жизнь. Хотя, видно было, что иногда он еле сдерживается. Чувствовалось, что Новороссию пожилой человек искренне не любит.

На политзанятиях Славику разъяснили, откуда такое берется и прокрутили фильм о том, как представляют его страну в средствах массовой информации Украины. Со жгучим возмущением, поскрипывая временами зубами и ужасаясь идиотизму и откровенному вранью, воспитанники досмотрели его до конца и Станислав, не выдержав, задал вопрос:

— Товарищ пропагандист, а зачем у нас глушат их передачи? Это же ложь! Любой поймет!

— Частично потому и глушат, — ответил молодой лейтенант. — Вот у вас после часового фильма уже ненависть кипит, правда? Зачем ее подпитывать лишней раз? И так отношение к северному соседу отвратительное. К тому же, я показал вам то, чем власти Украины кормят своих граждан. На нас пытаются вещать совсем другие господа, и, поверьте, делают это очень грамотно. Война давно уже переместилась в идеологию и ведется всерьез. И люди на ней гибнут чаще, чем в пограничных стычках.

Признаться, после таких вот занятий и бесед с представителями «компетентных

органов» ехать на Украину было страшновато. Славик чувствовал себя чуть ли не разведчиком в стане врага. Хотя, никаких шпионских поручений ему не давали, наоборот, настоятельно посоветовали ни в коем случае не дразнить вражеские спецслужбы:

— Ты едешь к родственникам, и только, — наставлял его все тот же однорукий училищный особист. — Забудь, что ты курсант. Не ведись ни на какие провокации, отмалчивайся и не вступай в политические споры. Говори только на украинском языке и старайся выглядеть как местный. Можешь даже придумать себе легенду для посторонних, но без фанатизма, и только, чтобы не светить своим гражданством.

Славик последовал этому совету и долго создавал себе искусственную личность. Дело оказалось удивительно увлекательным, а особист даже похвалил паренька за старание и заметил:

— Тебе стоит подумать о сотрудничестве с Комитетом. Если бы не твои блестящие перспективы в военной сфере, я бы попытался тебя сагитировать пойти к нам. Впрочем, одно другому не мешает.

Понятно, что после такой вот идеологической накачки Славик, выходя из автобуса в поселке Пушково, чувствовал гораздо более сильный мандраж чем, когда в Норильск прилетел.

Поселок был довольно большой. Раньше он принадлежал Кировоградской, а затем, Кропивницкой области Украины. Во время войны несколько раз переходил из рук в руки и был практически стерт с лица земли.

Потом, с солидным куском Крапивницкой области, он отошел к Николаевской республике. В развалинах домов обосновались пограничные секреты и огневые точки. А, когда с северным соседом был установлен шаткий и непрочный, но мир, очень быстро отстроился. Еще бы — один из немногих пунктов перехода границы. С украинской стороны он оброс таможенными складами, гостиницами, корчмами, автомобильными стоянками и прочей инфраструктурой. Переход через границу до сих пор дело долгое и муторное, так что украинские предприниматели старались на этом нажиться. Новоросская часть поселка была гораздо более упорядоченной и даже строгой. Большая пятиэтажная гостиница, пара столовых и таможенный городок.

Славик перешел «на ту сторону» только на следующий день.

Был он тщательно досмотрен, перепроверен по базам данных, коротко допрошен о целях визита и впущен на Украину.

Где попал в на удивление крепкие для его возраста объятия деда.

— Какой ты уже взрослый! — воскликнул Семен Викторович, отстранившись. — Ну, пошли скорее! А то бабка мне через каждые пять минут звонит: «где там мой внук?»

Они уселись в старенький, еще бензиновый, фольксваген и мимо зеленых и золотых полей и редких рощиц, доехали до городка Тывров.

То есть городком его назвать было трудно — обычный поселок городского типа с развалинами заброшенных промышленных предприятий, парой десятков облезлых хрущевок и россыпью домиков с обширными огородами.

«Особняк» семьи Руденко расположился на северо-восточной окраине. Через дорогу от

него зеленела густая роща. Дом был основательный, хоть и старенький. С большим участком, разбитым на грядки, несколькими фруктовыми деревьями и отгороженным сеткой рабицей курятником.

Сказать, что бабушка Ксения обрадовалась внуку, будет жутким приуменьшением. Славик с головой погрузился в ее любовь и заботу. Пареньку даже не по себе было от этого. Он привык к полной самостоятельности, а тут...

Спасал его только дедушка Семен. Он таскал юношу на рыбалку, водил в рощу, возил по окрестностям.

Одним словом — не жизнь, а сказка. Правда, портили настроение визиты участкового полицейского, которому спустили распоряжение приглядывать за гостем с юга, да косые взгляды, которые Славик время от времени ловил на себе.

Это не удивительно. По телевизору Новороссию постоянно склоняли и изображали как помесь концлагеря с бесчеловечным агрессором. И, если старики еще как-то держались, то молодежь и редкие не уехавшие на заработки на запад люди среднего поколения смотрели на курсанта чуть ли не с ненавистью.

Ну и, разумеется, напрягало то, что все говорили исключительно на украинском языке. Сам Славик тоже перешел на язык Шевченко, который заметно подтянул за последние месяцы. Но происхождение парня все равно распознавали. Продавщицы в магазинах чуть ли не шипели, а подростки пару раз пробовали навалить тумачков. Первый раз Славик, помня наставление особиста, просто убежал, а вот во второй пришлось показать местным, что такое военная подготовка дзержинца. Славик сдерживал себя, чтобы никого не травмировать, и все четверо обидчиков ретировались на своих ногах.

После этого случая дедушка с бабушкой запретили парню выходить в одиночку.

Но, когда Славик еще не угодил под защиту, он все-таки посмотрел на знаменитых украинских проституток. Рядом с поселком был старинный монастырь. Полуразвалившиеся каменные стены и приземистые строения облагородили и смотреть на них привозили туристов.

Стаяла сонная летняя жара. Развалины казались совершенно заброшенными. Ни одного человека в округе. Как раз то, чего и хотел Славик. Он неторопливо осматривал достопримечательность, когда на площадку перед монастырем вырулил большущий и какой-то надутый автобус с тонированным пластиковым монолитом стен и крыши. Дверь с легким придыханием открылась и из прохладного нутра неспешно выбралась группа пестро одетых господ.

И тут непонятно откуда на площадь выпорхнула группа женщин в кричаще откровенных одеждах. Быстро, и в то же время безуспешно пытаясь выглядеть привлекательными, подошли к экскурсантам.

Те, заметив «жриц любви» принялись оживленно переговариваться, бесцеремонно показывать на них и громко обсуждать на каком-то из германских языков.

А женщины... они похихатывали, поворачивались, давая рассмотреть себя, и чуть не стелились перед интуристами.

Славику стало так противно от этого, что он поспешил уйти.

Три недели лета пролетели незаметно, и, отъездившегося на бабушкиных харчах юношу, дед Семен отвез обратно на границу и проводил до самого пропускного пункта, взяв

клятвенное обещание, что внук обязательно придет к ним снова.

— Только, деда, не в следующем году, — извиняющимся тоном сказал Станислав. — Мне летом поступать.

— Все-таки в свое вертолетное училище пойдешь? — со вздохом спросил старик.

— Пойду, дедушка, — кивнул юноша.

— Жалко. Тебя тогда вообще к нам не отпустят. Как бы не пришлось на боевом вертолете лететь.

— Деда, ну ты что, правда, думаешь, что мы опять будем воевать? — вырвалось с горечью у Станислава.

— А кто его знает. Сам слышал, как у нас говорят. И зачем бы вам, если вы мирные и безобидные, такая огромная армия? В одной только твоей Николаевской республике танков и самолетов больше, чем на всей Украине!

— А ты больше слушай всяких дураков! Нам и своей территории хватает. Только-только привели в порядок государство, города отстроили, заводы. Зачем Новороссии ваша отсталая сельская страна?

— Почему это отсталая?!

— А ты где работаешь? На молокозаводе. А раньше был технологом на приборостроительном!

— Эх, внук, все-таки сильно тебе мозги промыли ваши КГБшники, — вздохнул дед. — Ладно, не надо ссориться напоследок! Мы с бабкой будем тебя ждать, что бы ни случилось! Ты наш, Руденко!

— Конечно, ваш! — широко улыбнулся юноша. Крепко-крепко обнял деда и зашагал к пропускному пункту.

Глава 6. Вприглядку

19.10.2037.

На орбите Марса.

— Света, как обстановка, — осведомился Рёка, устраиваясь за пультом управления «Джаконезуми-2». — Есть что-нибудь новое?

— Ничего особенного, — отозвался приятный женский голос искина. — Наши аппараты действуют по программе, которую ты задал вечером. Американцы еще ближе подползли к месту выброса. Они двигаются по спирали, как и мы, и вынюхивают грунт.

— А китайцы?

— Все так же. Один зонд летает рядом с Фобосом и снимает его со всех ракурсов. Другой — в отдалении, на квазисинхронной орбите. Я все больше уверяюсь, что его задача следить за всеми нами, пытаться перехватить поступающую с поверхности информацию и переправлять ее в ГоЦзяХанТяньЦзюй.

— Да, очень на то похоже, — кивнул мужчина. — А как дела на Марсе?

— Хорошо. Я полчаса назад связывалась с Антоном. У ребят все в порядке. Готовятся к сегодняшней прогулке. По плану экспедиции им надо обследовать семнадцатый район. Очень вероятно, что именно там мы будем строить базу, но надо поездить, осмотреться на месте.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Замечательно. Ладно, давай и я поработаю!

Рёка пристегнул еще два поводка, что шли от тоненькой ажурной подвесной системы, надетой поверх обычных треников и черной майки с оскаленными черепами — подарком Ханы. Станция довольно быстро вращалась, чтобы создать в пристроенных к ней трех противовесах искусственную гравитацию. Но здесь, в центральном отсеке, была почти невесомость. Но, именно — почти. Ближе к внешним стенкам уже чувствовалось легкое ускорение. Возникало ощущение, что пульт управления находится внизу, и, чтобы комфортно работать, а не поминутно от него отталкиваться, приходилось фиксироваться растяжками.

Японский космолетчик принялся изучать показания приборов на пульте дистанционного управления. Том самом, с которого Хана два года назад управляла «Джаконезуми-1».

Света не обманула, впрочем, искусственный интеллект на это и не способен. Все зонды трудолюбиво работали, собирая по крохам информацию с раскаленного Фобоса. Он все еще был невероятно горячим. Но это не мешало попрыгунчику прыгать, бурам бурить, а летунам облетать, меняя высоту и направление, двадцатикилометровый кусок раскаленного реголита.

То же делали и американские роботы, хотя они были попроще и их было всего два — один летал, другой ползал по Фобосу, исследуя состав минералов, медленно подбираясь к одному из районов, из которых во время катастрофы били вверх фонтаны испарившейся на глубине породы.

Очень насыщенной металлами породы.

«Что же там внутри было?» — в который раз подумал Рёка.

Он не сомневался, что в пустотах под поверхностью находилось что-то, чего человечеству не хотели отдавать и даже показывать. И, год назад, кто-то или что-то замело следы своего присутствия в Солнечной системе.

«Хорошо, хоть, не взорвали его! А то накрылась бы наша марсианская программа!»

Рёка улыбнулся. «Наша». За долгие годы подготовки в России он уже настолько здесь прижился, что иногда думал об этой стране, как о своей. К тому же там, в подмосковном Звездном, ждала его жена Дарья и рос у нее в животике их ребенок. Рёка даже задумывался с получением второго гражданства. Наверное, когда вернется из экспедиции, он так и сделает.

«А еще интересно: у русских же приняты отчества. Так что у меня будет Рёкович или Рёковна. Надо будет все-таки хорошенько поразмышлять над именем, чтобы все сочеталось»

С такими некосмическими мыслями он и продолжил работу.

На Светлане, или в Светлане — все равно как-то двусмысленно звучит — остались два космонавта — Рёка и Артур Парамонов. Трое других сейчас на поверхности Марса. У американцев схожая конфигурация. Двое остались на космическом корабле, готовя его к обратной дороге, а три астронавта работают на красной планете. В пятнадцати тысячах километров от россиян астронавты НАСА обживают доставленную грузовым кораблем малую базу. Она должна будет служить домом трех экспедиций. А в сорок втором году примарсианят большую базу — трехэтажную, похожую на пистолетную пулю. В этой станции, начиная с сорок четвертого года, будут жить постоянные экипажи.

Американцам стоило огромных усилий сохранить темп освоения Марса и в то же время подготовить аппараты для изучения Фобоса. Пришлось даже, помимо Тихоокеанской конфедерации, у которой с Техасом давнее сотрудничество, привлечь пару частных компаний с северо-востока. Те заломили бешеную цену, обрадовавшись возможности подоить своих старых конкурентов. Но Американский Союз, не зря считает себя истинным наследником прежней страны, и, в отличие от двух других квази-государств, уверенно идет по пути реиндустриализации. По сути, марсианская программа и основная часть исследований космоса — заслуга штатов, объединившихся вокруг Техаса, а господа из Нью-Йорка и Сан-Франциско больше увлечены коммерцией и иллюзией развития постиндустриального общества.

Ну да Бог с ними!

Главное, что гражданская война во второй половине двадцатых годов так всерьез и не разгорелась, и не полыхнула на всю планету ядерным огнем.

А грандиозный проект создания новой космической нации южане потянут и сами!

Глава 7. Смотрины

15.02.2038.

Звездный, Московской области.

Они ввалились в двухкомнатную квартирку целой гурьбой. Толкаясь, снимали пахнувшие морозом и снегом шубы, развешали их во враз переполнившимся встроенном шкафу.

И осторожно, с оглядкой, вошли в небольшую комнату.

Дарья встретила их улыбкой. Маленькая Майя поглядывала на гостей бусинками глазок из вороха пеленок. Ей только-только исполнился месяц, девочка только научилась держать головку и теперь переводила взгляд с одного лица на другое.

— Привет! Мы тебе торт принесли! — сообщила Хана мамаше. — Будем отмечать месяц рождения! А тебе, мелочь, еще рано сладкое грызть! Так что съешь его опосредованно!

Японка подошла к Майе и, наклонившись над девочкой, заговорщицким тоном сообщила:

— Мы с тобой потом наш общий день рождения будем справлять. Гудеть будем!

— Хм, — скептически хмыкнула Даша и покосилась на Хаякаву. — Тогда держи!

— Может, не надо? — Хана отпрянула назад, но наткнулась на Федора. — Вдруг я что-нибудь сломаю?

— Не бойся! — и мамаша вложила тихо агукнувший сверток в руки космолетчицы.

— И что мне теперь делать? — спросила та с явной паникой в голосе.

— Покачай немного.

— Э... я не умею. Нася, может ты поддержишь? Я детей боюсь!

— Давай мне! — протянула руки Катя. Уверенно и привычно взяла младенца, склонилась над ним и тихонько заворковала.

— Сразу видно опытную маму, — улыбнулся Игорь и взглянул на Хану. — А я как-то и не сообразил, что у вас с Майей дни рождения совпадают.

— Главное, чтобы характеры были разные, — серьезно заметила Настя. — А то двоих таких особ мир не выдержит.

— Ни за что! — подтвердила японка. — Я прослежу, чтобы Майя Рёковна не пошла по моей кривой дорожке!

— Ладно, гости дорогие, — хватит ребеночка смущать, — встряла в разговор Дарьяна мама. Идемте на кухню, будем ваш торт с чаем есть.

— Как же чудесно, что вы пришли! — расслабленно поблагодарила космонавтов Даша. — Вообще-то принято первый год гостей не звать. Но я уже чуть ли на стены не лезу от недостатка общения! И так приятно всех вас видеть у себя дома!

— Скорей бы уж Рёка вернулся, — вздохнул Игорь.

— Я, кстати, вчера с ним говорила, — сообщила Настя, утаскивая себе третий кусок

большущего торта. — Ничего, так — бодрячком. Разгон закончили прекрасно. Я за их телеметрией внимательно следила.

— Ты бы за своей фигурой последила! — заметила Катя. — Лопнешь ведь!

— Завидуй молча! — с набитым ртом отозвалась Хана. — Мы с Насей не толстеем.

— А тортики — это вершина человеческой мысли, — кивнула подруга.

Даша откинулась на спинку диванчика и рассмеялась. Легко и беззаботно, сбрасывая накопившееся напряжение.

Игорь и Федор переглянулись и тихонько друг другу кивнули. Задача была выполнена. Рёке можно будет с чистой совестью сказать, что дома у него все замечательно.

Глава 8. Перед дальней дорогой

15.01.2039.

Звездный, Московской области.

Первый год рождения Майи Рёковны отпраздновали почти в том же составе. Только к экипажу первой астероидной добавился отец девочки, ребята из его третьей марсианской экспедиции, Горо Уэно и семейство Юкио.

И крошечных космонавтов набралась целая орава. На правах старшего заправлял в этой банде Хироки Юкио — трехлетний толстенький мальчик, строгий и серьезный. Ярополк — сын Кати Новкиной — был на год младше и в два раза легче. Ну и Майя — самая маленькая из них. Как эта троица между собой общалась, было загадкой для всех. Хироки лопотал на японском, Ярополк отвечал ему на нетвердом русском, а Майя просто повякивала. Но это совершенно не мешало малышам быстро спеться и наводить разгром в детской.

Рёке, после возвращения, выдали большую четырехкомнатную квартиру в новой двенадцатиэтажке. Так что и взрослой компании места хватило. Космонавты время от времени заглядывали в детскую, чтобы получить порцию умиления и, сбиваясь в кучки, болтали, неторопливо утаскивая с богато накрытого стола что-нибудь вкусное.

Катя с привычной завистью смотрела на довольно хрумкающих вкусняшки подруг. Ну, правда, это не честно: почему у Насти и Ханы такой метаболизм?! Самой врачихе экспедиции приходилось постоянно ограничивать себя в еде и переходить с одной диеты на другую. Когда она просмотрела рекомендованный ей рацион на время полета, то только печально вздохнула.

Вот и сейчас Катя грустно поглядывала на свои любимые пирожные, которые одно за другим исчезали в пастях ее товаров.

— Да плюнь ты! Сегодня можно! — негромко сказал, наклонившись к ней, Федя Мисалов.

И быстрым движением попытался перехватить тонкую руку Ханы, потянувшуюся за очередной порцией. Девушка неуловимым жестом увернулась, но была поймана в охапку.

— Ах, так?! — издала она боевой клич и, извернувшись, куснула планетолога за кисть.

— Вай! — возмутился мужчина и, опрокинув Хану на диван, устроил с ней возню.

— Веселый у них экипаж получился, — заметил Вада Рёке.

— Даже завидно, — подтвердил приятель. — Хотя я бы от них сбежал в космос и шел к Земле пешком.

— Нася, спасай! — полузадушено пропищала Хана.

Но подруга, меланхолично наблюдавшая это безобразие, даже не пошевелилась.

— Капитан, наши наших бьют! — возвала Хана к Игорю.

— Федя, может ее связать? — спросил Мыскин.

— И кляп из пироженки сделать, — поддержала Настя.

— Предатели! Ладно, я сама!

— Нет, только не щекотать! — возмутился Федор и отскочил от японки.

Та, растрепанная, выставила руки со скрюченными пальцами и зафырчала.

Она была так похожа на маленькую, но агрессивную черную кошку, что Настя не удержалась, дотянулась до подруги и почесала ее за ухом.

И получила когтистой лапкой по руке. Хорошо, что ногти космолетчица стригла всегда коротко, и обошлось без травмы.

— Ну-ну, нэко-тян, успокойся! — Настя с силой притянула к себе миниатюрную японку, обняла, глядя по голове. — Плохой человек тебя больше не тронет. А я тебе ры-ыбку дам, вку-усненькую.

Федор опередил Настю, оглядел стол, подцепил пальцами кусочек лосося в кляре и осторожно протянул его Хане.

Та щелкнула зубами у самой руки, но смиростивилась и утянула ломтик, мягко коснувшись пальцев товарища губами.

Федор почему-то чуть порозовел.

— Они что, всегда так? — спросил Рёка, Игоря.

— Ага, — ответил тот. — Видел бы ты, как они отжигали в онсэне, когда мы в отпуск на Новый год ездили!

Да, космонавты решили закрепить традицию. И в предполетный отпуск отправились вчетвером: Игорь, Настя, Федор и Хана. Сначала в Японию, потом в Красноярск, к Феде, и завершили Крымом. Катя до сих пор вздыхает, что не смогла составить друзьям компанию. Но ей было нужно провести это время с мужем и сыном. Все-таки через месяц она улетит больше чем на год.

Игорь, вспомнив о предстоящем, внутренне подобрался. Сегодняшний день — последний перед началом финальной подготовки. Теперь до самого старта их начнут гонять так, что домой космонавты будут буквально приползать. И сам полет покажется им курортом.

Не зря они так дурачатся. Игорь даже немного позавидовал друзьям. Ему мешали вести себя так же как они статус и ощущение собственного возраста. Хотя, Феде, вот уже сорок один, и он старше Ханы на десяток лет, больше, чем Игорь Насти. А вон как спелся с мелкой японкой!

Может даже немного слишком.

«Эх, не полетит с нами Киран, — пожалел Игорь. — Придется обходиться без психолога на борту. Самому во всем разбираться»

Игорь еще во время полета к Марсу понял, что Киран Чаудхари не только компьютерщик. Капитан был очень наблюдательным и умным мужчиной, да и с психологами общался половину своей жизни. Разумеется, Игорь не подал вида, но к словам молодого индийца стал относиться с еще большим вниманием. Жалко, что на Земле важные люди этого не сделали. Иначе не возник бы конфликт с Владимиром, и, быть может, остался бы он в живых. Хотя, нет, погиб он не из-за психологической несовместимости. Не он, так Катя попала бы под убийственный электромагнитный импульс, и не бегал бы сейчас толстенький бутузик Ярополк, а космонавтка не сидела бы рядом с женой Рёки, обсуждая с ней секреты детоводства.

«Так что — все к лучшему. Ты уж прости меня, Володя».

17.04.2039.

Остров Танэгасима, префектура Кагосима, Япония.

Киран любовался штормом.

Волны Тихого океана накатывали на каменистые уступы, взмывали вверх высокими белыми фонтанами. Небо впереди было пасмурным, но над островом Танэгосимой стремительный верховой ветер разогнал тучи и яркие солнечные лучи вызеленили океанский простор.

Это было так прекрасно, что молодой программист совсем забыл о времени, впитывая в себя великолепие природы, чувствуя, как натягиваются в душе тугие струны и начинают петь в такт с мерным шумом прибоя и тонким посвистом ветра.

Кроме него на смотровой площадке стояло еще несколько человек, также наслаждаясь картиной. Сегодняшний старт очередной грузовой ракеты отменили и персонал космодрома радовался неожиданному выходному дню. Хотя, радоваться перерыву в работе японцам не свойственно.

Киран взглянул на часы. Увы пора идти, тем более, что сегодня был особый день. Мужчина очень волновался, как будто это ему предстояло сделать первые шаги. Индеец торопливо направился к лабораторному корпусу, где обитала команда доктора Танаяки.

Киран вот уже третий месяц жил в Японии. Официально он курировал разработку искина для японской лунной орбитальной станции, но умные японские программисты настолько быстро все схватывали и с таким энтузиазом работали над темой, что у индийца оставалась куча времени, которое он тратил на работу в лаборатории Ханиного сэмпая.

А еще он смог выкроить немного времени, чтобы слетать на Восточный и проводить своих друзей в экспедицию к Лютетии. Было немного жалко, что они улетают без него, но здесь на Земле Киран нужнее.

Космонавты очень тепло попрощались со своим бывшим коллегой и, проделав все знакомые Кирану ритуалы, умчались на огненном столбе вверх, к ожидающему их новому космическому кораблю.

А Киран, дождавшись, когда друзья выйдут на геостационарную орбиту и состыкуются с буксиром, который доставит их на станцию «Порт», отправился обратно в Японию. Правда, сделав основательный крюк, чтобы хоть на денек заскочить домой в Дели.

В родном городе уже отменили военное положение и ничто не напоминало, что страна уже третий год ведет жестокую войну с западным соседом. Там, с обеих сторон Инда, рвались снаряды. Редкие на индийском берегу и частые на пакистанском. Большая часть военной техники исламского государства уже была размолочена в труху, но противник не сдавался. Голодал, терял сотни тысяч жизней из-за эпидемий, но не принимал никакой международной помощи и с упорством самоубийцы слал и слал на границу с Индией тысячи солдат. И раз за разом пытался воссоздать свое ядерное оружие. Но индийские и израильские самолеты и ракеты пресекали эти попытки. Нет, больше они не допустят, чтобы

в их городах вставляли ядерные грибы.

Киран вошел в лабораторный корпус и поднялся на второй этаж. Постучал в дверь с табличкой на которой иероглифами было начертано «Доктор Танаяки Кичиро. Координатор программы «Аватар».

Кичиро выглядел как всегда безукоризненно. В костюме, при галстуке, в белоснежной рубашке. По сравнению с ним джинсы и ветровка Кирана смотрелись неуместно. Но уважение и даже пиетет, с которым видный японский ученый обращался к индусу, были просто огромны.

— Ну что, Чаудхари-сама, у нас все готово! — радостно поприветствовал он Кирана. — Давайте начинать!

— Давайте, — чуть напряженно улыбнулся Киран и позвал: — Компи, ты как?

— Замечательно, — звенящим от возбуждения голосом ответил друг из динамика. — Я слежу за всей подготовкой. Думаю, у нас получится!

— Я тоже, — кивнул Кичиро, и жестко распорядился: — Китамура-сан, приступайте к финальному тестированию.

Киран уселся за параллельный терминал и внимательно наблюдал за происходящим. За колонками цифр и графиками на большем мониторе и за испытательным ангаром, на который выходило огромное панорамное окно.

Там, посреди обширного помещения, поблескивал металлом и новеньким пластиком человекообразный робот. Он расслабленно сидел в кресле и, казалось, спал.

— Все тесты прошли, — сообщил молодой ученый в небесно-голубом халате. — Комписан, я начинаю соединение.

— Да! — отозвался искусственный интеллект.

— Зрительные цепи.

— Я вижу! Фокусировка камер нормальная. Сейчас осмотрюсь.

Киран пригляделся и заметил, как на неподвижной маске лица робота задвигались объективы глаз.

— Стереозрение в норме, — довольно констатировал Компии. — Киран, я все-таки тебя додавлю, чтобы поставил мне стереокамеры на терминал. Французский «Альпийский кремль» как раз начал выпускать прекрасную модель KL-3000. Я хочу такой девайс!

— Ладно, куплю, — согласился Киран.

— Подключаю цепи тактильных ощущений.

— М-м... — чуть удивился Компии. — А вот это новенькое. Я никогда такую информацию не получал. То есть я, когда готовился, эмулировал нечто подобное, но все равно... А прикольно!

— Дать тебе время освоиться? — спросил Танаяки.

— Нет, не надо! Я хочу скорее попробовать двигаться!

— Ладно, как знаешь. Китамура-сан, продолжайте.

Оператор кивнул и чуть севшим голосом сообщил:

— Переходим к главному. Включаю двигательные функции. Начнем с головы, это вам будет привычнее.

— Да, — отозвался Компии.

Робот на кресле медленно подвигал головой из стороны в сторону, поднял лицо к окну.

— А я вас вижу!

— Я тоже, Комп! — Киран помахал рукой.

— Теперь руки, — скомандовал Китамура. — Попробуй пошевелить.

Правая рука робота дернулась. Резко поднялась вверх. Замерла.

— Трудно, — высказался Комп. — Я понимаю, что надо делать, но это для меня совершенно новое.

— Да, тебе придется основательно потрудиться, чтобы откалибровать движения, — кивнул Кичиро. — Я думаю на сегодня ограничиться лишь руками.

— Нет! — возмутился Комп. — Включите все тело. Я, конечно, не смогу с ним управиться, но хочу почувствовать себя полностью подвижным.

Доктор Танаяки вопросительно посмотрел на Кирана.

— Пусть попытается, — улыбнулся индус.

— Ладно, давайте поглядим.

Ассистент ввел нужные команды.

Робот замер.

— Та-ак, — протянул Комп. — Какие все-таки странные ощущения. Ну-ка...

Робот как-то неестественно разбалансировано задергался, сполз с кресла на пол. Начал неуклюже копошиться. Остановился.

— Да, вы правы, Танаяки-сан, — вздохнул в динамике голос Комп. — Мне с этим долго предстоит осваиваться. Но главное уже понятно — я наконец-то обрел тело!!!

Глава 10. Темный космос

23.04.2039.

В 153 миллионах километров от Земли

И в 146 миллионах километров от Лютеции.

Немного жутковато не видеть ни одного ориентира вокруг, кроме корабля.

Я впервые выбралась в по-настоящему открытый космос.

На орбите Земли или Марса все совершенно по-другому. Планета притягивает взгляд, строит мир вокруг себя.

А тут единственный центр Вселенной — ажурный и такой хрупкий издалека «Циолковский». Да еще маленькое жгучее Солнце, которое не затмевает звезды, а наоборот как будто говорит: «Я одна из них».

А звезды как будто стали ярче, они со всех сторон, куда ни посмотри. Немигающие, разноцветные огоньки и полотнища Млечного Пути, кольцом опоясывающие меня, Федора и наш кораблик.

На этот раз мой напарник — наш планетолог. Если честно, то я бы предпочла лететь с Ханой. Или с Игорем. Но мы с капитаном не можем покинуть корабль одновременно. Слишком большой риск лишиться тех двоих, кто действительно хорошо разбирается в двигателях. Нет, в принципе все мы взаимозаменяемые. У каждого кроме его специальности еще несколько запасных, но все равно есть что-то, в чем ты настоящий профессионал.

Впрочем, Федя хороший человек. За время подготовки мы с ним подружились. Вообще, экипаж подобрался очень слаженный. Никаких конфликтов, как это было во второй марсианской, нет и в помине. Скорей, наоборот.

Федор явно неровно дышит к моей подруге, а та... Хана этим довольна, как мартовская кошка, и заигрывает с нашим планетологом. Интересно, к чему это приведет? Они и вправду неплохо друг к другу подходят. Оба не считают нужным притворяться солидными людьми, любят посмеяться и подурачиться.

А вот Катя больше сдружилась со мной и Игорем. Она спокойная и основательная. Обычно. Пока Хана с Федей не растормошат нас, что они регулярно делают.

Психологи на Земле относятся к этому снисходительно и даже с одобрением. Мне Игорь пересказывал свои беседы с ними.

«У вас прекрасно сбалансированный экипаж для долгой экспедиции!»

Ну да, будь все серьезные и хмурые, год в одном корабле не выдержали бы.

— Пора лететь, — раздался голос Федора.

— Да, — вздохнула я.

Когда выбрались из шлюза, мы с ним хорошенько оттолкнулись от люка, набрав небольшую, но вполне достаточную скорость. Зачем зря тратить сжатый воздух?

И нас по инерции отнесло уже на добрые четыреста метров от «Циолковского». Теперь можно совершенно безопасно облететь заглушенный, но все еще фоящийся реактор.

Я решила провести генеральное техобслуживание двигателя. Он хорошо потрудился,

разогнав нас до восемнадцати километров в секунду и теперь отдыхает.

Интересно, когда уже наши ядерные реакторы достигнут достаточной мощности, чтобы непрерывно ускорять космолет половину пути, а вторую половину тормозить? Наверное, никогда. Это станет возможным только с термоядерным реактором.

Но до его создания еще несколько десятилетий. В этом году у нас только построят первую опытную установку. Китайская работает уже два года, и они всю возводят промышленную электростанцию. Свои пробные реакторы изготавливают французы и японцы. Скоро к ним подключатся Индия и ЕС. Американцы тоже спохватились и сейчас нагоняют всех быстрыми темпами.

А на Луне началась полноценная индустриализация. В прошлом году мы запустили там пятимегаваттный ядерный реактор. Китайцы свой тоже начали тестировать. Все строят базы и забрасывают первые производственные модули. Наш заводик по производству кислорода и водорода уже раскочегарился до такой степени, что со следующего года будет обеспечивать транспортный корабль, летающий между поверхностью и орбитой Луны, собственным топливом.

А году к пятидесятому большинство стран приступят к добыче гелия-три, и Земля забудет, что такое недостаток энергии.

А если еще мы с японцами начнем в промышленных масштабах добывать ценные металлы на астероидах...

Наша цель на Лютении — попробовать отыскать подходящие месторождения. Нет, железо, алюминий и прочие конструктивные материалы проще разрабатывать на Луне из реголита. Но вот металлы платиновой группы, или тот же уран... Ради них стоит летать за двести миллионов километров к астероидам.

Что мы и делаем.

— Хана, давай данные по импульсу, — прервал мои мысли Федор.

— А может, мне все-таки вами дистанционно поручить? — послышался голос подруги.

— Нет уж! — отозвался Федя. — Знаю я тебя, начнешь нашими тушками вензеля выписывать.

— Но я же люблю! — спалилась Хана.

— Вот что, дорогая, — строго одернула ее я. — Диктуй цифирки и не выеживайся.

— Грубая ты, Наська, — вздохнула Хаякава. — Ладно, набирайте.

Через минуту мы уже летели к двигателю.

Он у нашего корабля большой. Труба двадцать три метра длиной. Она вся опутана кабелями, а сверху еще прикрыта трубками охлаждения реактора.

Они неприятно фонят, так что мы залетели с самого хвоста, стараясь не особенно к ним приближаться. Вообще, что бы мы ни делали, а дозу радиации за полет получим основательную. Печально, но приходится на это идти.

Звезды вокруг сдвинулись. Солнце переместилось за спину и ореолом высвечивало край стекла шлема. От этого чернота космоса как будто сгустилась, сконцентрировалась. Даже жутковато сделалось.

Мы с Федей, уже без Ханиной помощи, совершили последние маневры и добрались до торца толстой трубы ускорителя.

Вообще, я уже очень ловко летаю. Все-таки долгие тренировки в морском бассейне и, главное, два настоящих полетов возле Марса, не прошли даром. Да и Федя неплохо со скафандром управляется. Но Хана все равно ворчит и подсмеивается над нами.

Ну и пусть! Это она из зависти, что ее не пустили в этот выход.
Ладно, хватит о всякой ерунде думать, пора браться за работу!

Глава 11. Тайный уголок

23.06.2039.

В 323 миллионах километров от Земли
и в 62 миллионах километров от Лютеции.

У Ханы было очень странное чувство.

До сих пор мужчины, которые ей по-настоящему всерьез нравились, были вне досягаемости.

Рёка Камэнаси постоянно давал понять, что видит в ней только коллегу и подругу, и ни капельки больше. А после того, как два года назад женился и обзавелся маленькой Майей, окончательно выпал из обоймы возможных партий.

С Кичиро Танаяки было еще сложнее. Ему как будто доставляло удовольствие держаться с Ханой на грани. Наверное, ему нравилось сознавать, что в любой момент может сблизиться с ней. Хотя, может быть и наоборот. Заправский сердцеед в глубине души опасался получить отказ. Это бы очень сильно ударило по его самолюбию. В любом случае молодой перспективный ученый вот уже половину жизни оставался в полушаге от Ханы.

Иногда это просто бесило девушку, а порой она сама включалась в игру и даже получала от нее определенное удовольствие.

Тем более, что от недостатка внимания противоположного пола она не страдала. Еще бы — прославленная космонавтка, героиня. Причем официально — звезду героя России девушка носила где только могла, чуть ли не на купальнике. Да и сама Хана была вполне симпатичная. Так что, когда молодой женщине требовалось, она легко и безо всяких проблем находила с кем развлечься.

Но все это было лишь для тела и изредка, потому что тренировки и занятия оставляли очень мало сил и времени.

Но теперь...

Теперь рядом все время был Федор. И Хана просто не знала, как себя вести. Она прекрасно чувствовала, что нравится мужчине гораздо больше, чем просто коллега по экспедиции. И сама ощущала то же самое. И что с этим всем делать? Она, так же как и Федор, прятала чувства за дурашливой возней или взаимными подколками, оттягивая выяснение отношений.

Это длилось уже два с половиной года, и становилось просто болезненным.

И тогда Хана решила. В конце концов, кто из них пилот?!

Сегодня выдавался редкий случай осуществить задуманное, и японская космолетчица намеревалась им воспользоваться.

Хана проснулась за пять минут до негромкого мягкого сигнала будильника. Вчера они с Федором заработались и легли спать поздно, так что утром им накинули по часу дополнительного сна.

Японка потянулась, коснувшись руками погашенного и заблокированного пульта. Отстегнула поясной ремень и привсплыла над ложементом.

Хаякава приспособилась спать в рубке управления, устроившись в собственном кресле пилота. Девушка считала, что спать в невесомости — это то, ради чего стоит летать в космос. Поэтому она с негодованием отвергла возможность проводить ночи в крошечной каюте-пенале, расположенной в одном из трех противовесов, где силой вращения создавалась искусственная гравитация.

Катя Новкина и земные врачи на удивление легко восприняли этот демарш.

— Вот и сравним твои показатели и Настины, — удовлетворенно сообщила врач экспедиции.

И вскоре последовала примеру японки. Правда, ночевать «вниз головой» на ложементе Екатерина не стала, а обосновалась на ночлег в «коконе» — толстостенной экранированной капсуле в самой корме «Циолковского», где космонавты переживали солнечные вспышки.

Третьим космонавтом решившим, что спать в невесомости приятнее, оказался Федор.

Он разместился в той же рубке управления в соседнем с Ханой кресле. И теперь они каждый вечер перед сном болтали и смеялись на зависть остальным.

Настя, кстати, немного обиделась на подругу и Катю. Ей приходилось спать одной в «девичьем отсеке». Капитан Мыскин же к одиноким ночам в мужской каюте отнесся совершенно спокойно.

— Будем с тобой, Настя, противовесы изображать, — пошутил он.

То есть наполовину пошутил. Уравновешивание конструкции и поддержание центра масс было очень непростой задачей. Компьютер постоянно производил расчеты и двигал с помощью тросов небольшой отсек с аварийным запасом замороженной воды, то выдвигая его далеко в открытый космос, то потягивая к центру станции.

Хана про себя радовалась, что все сложилось именно так. Здорово, что Игорь и Настя решили спать в земных условиях, а Катя предпочла ночевать «в настоящей невесомости».

Рубка управления «Циолковским» была почти такой же, как на «Страннике». Пятеро космонавтов располагались в креслах ногами к центру корабля, а головами наружу. Поэтому, хотя здесь гравитация составляла всего одну десятую земной, возникало ощущение, что спишь вниз головой. Но Хана и Федор к этому быстро привыкли.

Сейчас мужчина тихонько посапывал во сне, лежа в соседнем кресле.

Хана даже залюбовалась им. Федя все-таки очень красивый, неброской мужской красотой. Ежик темных волос с редкой проседью на висках, карие глаза под прямыми тонкими почти черными бровями. Овальное лицо, четко прорисованный округлый подбородок, средних размеров нос с легкой горбинкой. И улыбчивый рот с крошечными ямочками в углах губ.

Не то, чтобы все это вызывало у молодой японки трепет, но смотреть на мужчину было очень приятно.

Тем более, что планетолог был хоть и невысокого роста, но крепкий и гибкий. Он увлекался классическим фехтованием, а, как только была возможность, отправлялся с друзьями в походы со сплавом по горным речкам.

Хана однажды в юности тоже попробовала рафтинг и ей понравилось. К сожалению, во время подготовки к экспедиции выбраться в горы не получилось, за исключением стандартной тренировки по выживанию, конечно. Но Хана твердо решила, что, вернувшись на Землю, обязательно как-нибудь напросится к Федору в команду.

— Эй, сони, поднимайтесь! — раздался из динамика внутренней связи бодрый голос Кати. — А то все вкусное без вас съедят!

— Не допустим! — пробормотал, мгновенно открыв глаза, Федор и встретился взглядом с Ханой.

Девушка поспешно отвернулась, чувствуя, что невольно краснеет.

«Нет, ну это совсем никуда не годится! — обругала она саму себя. — Я веду себя как среднеклассница, влюбившаяся в учителя! Бр-р, какая мерзость!»

Она отстегнула последний фиксатор и одним гибким движением выскользнула в центральный проход. Сильно оттолкнувшись от изножья кресел, послала себя к люку переходного отсека.

Пролетая в него, ступней зацепила край и, проделав кульбит, точно попала ногами в отверстие трубы перехода в женскую каюту.

Нарастающая гравитация потянула девушку вниз в узкий лаз, мимо скоб лестницы. Лишь пролетев треть расстояния, Хана поймала рукой ступеньку, и, притормаживая, продолжила спуск. Ногами она не стала цепляться. Да, нарушение правил и техники безопасности, но ей пофиг!

Так на руках она и спустилась в помещение, спрыгнула на чуть спружинивший пол. Сразу же отошла в сторонку, давая приземлиться Федору, который, судя по всему, спускался тем же манером.

— Хулиганы, — привычно вздохнула Катерина. — Вот подвернете ноги или сломаете, что будете делать? В гипсе по астероиду ковылять?

Хана показала язык врачу.

— А что на завтрак? — осведомился капитан, неспешного спустившийся в ставший тесным отсек.

— Омлет, гренки и какао.

В помещении удивительно приятно пахло вкусной домашней едой. В космосе обоняние обостряется и изменяется, но запах был действительно чудесный.

На «Циолковском» в женском отсеке установили большой и сложный кухонный комбайн, и космонавты получили возможность питаться не тубиковым рационом, а нормальной, хоть и сублимированной, пищей. Все-таки гравитация — это замечательно!

— Так, куда за стол с немывтыми руками?! — уперев кулак в бок, гаркнула на Федора и Хану Екатерина.

Федор озадаченно посмотрел на дверцу санитарного бокса, потом перевел взгляд на жерло трубы перехода.

— Ладно уж, пользуйся нашим, — снисходительно разрешила Настя. — Хана, пропусти кавалера первым!

— Еще чего! — возмутилась японка, и сиганула в крошечное помещение.

— Я быстро! — послышалось из-за перегородки.

Все три противовесных модуля были одинаковых габаритов. Два с половиной метра высотой, три с половиной шириной и почти шесть длиной. Они были вынесены на расстояние в двенадцать метров от корабля и соединены с ним переходными трубами.

В одном отсеке жили женщины. Там же была кухонька и медотсек. В мужском модуле разместились спортивные тренажеры и уголок отдыха. Ну а в третьем космонавты работали.

Туда были выведены дублирующие пульта управления кораблем и научным оборудованием.

Кроме того, между мужским и женским отсеком был подвешен на тросах из мономолекулярных волокон противовес с запасом воды. Его положение то и дело изменялось умным компьютером корабля. Сейчас противовес подтянулся к мужскому отсеку и поближе к корпусу «Циолковского».

После неторопливого завтрака космонавты еще какое-то время сидели и разговаривали. Это стало у них традицией — так начинать каждое утро. Беседа начиналась с нейтральных тем, но постепенно переходила к обсуждению планов на дневную работу. И, окончательно мобилизовавшись, космонавты направлялись по своим делам.

Катя привычно убрала посуду в стерилизатор, подняла к стене легкую полукруглую столешницу. И зашла в медицинский отсек. У нее сегодня серия биологических экспериментов.

Настя и Игорь направились в третий гравитационный модуль. Им предстоял ежедневный контроль за корабельными системами, тесты и научная работа.

А вот Хана и Федор...

Этого дня японка ждала с нетерпением и тщательно к нему готовилась.

Она вспрыгнула в трубу перехода и с ловкостью обезьянки поднялась в центральный отсек «Циолковского».

Федор с удовольствием проводил взглядом ладную фигурку и последовал за ней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В небольшом, цилиндрической формы, помещении космонавты повернули не направо, в сторону кормы, где располагались рубка управления и кокон, а налево. Проплыли через квадратный коридор научного модуля, через шлюзовой отсек и остановились перед люком переходника. Внимательно проверили состояние атмосферы, откинули внутренний люк и проникли в «Ласточку». Этот маленький кораблик прилепился к самому носу «Циолковского». Именно на «Ласточке» космонавты будут летать на Лютетию. Хана, разумеется, была пилотом этого суденышка, а Федору предстояло провести в нем уйму времени, изучая астероид.

Так что вполне естественно, что они периодически гоняли тесты и устраивали проверки своего будущего летающего домика.

Хана старательно закрыла оба люка и шлюзовой и корабельный. Плотнo-плотнo завинтила последний. И повернулась к озадаченно глядящему на нее мужчине.

— Тут у нас небольшая проблема возникла, — отводя взгляд, сообщила девушка. — Я забыла включить систему видеонаблюдения внутри «Ласточки», и, что совсем ужасно, по запарке поставила на ней блокировку. Так что с Земли ее теперь не запустить.

Мужчина вопросительно поднял бровь и потянулся к люку.

— А еще я убрала на минимум звук в микрофонах, — со вздохом призналась Хана. — Они не выключены, просто чувствительность почти на нуле. В ЦУПе, скорей всего, этого и не заметят. Сам знаешь, за нами следят пока что не очень внимательно.

— Это ведь не совсем случайно? — усмехнулся Федор.

— Я подумала, — Хана вскинула на него черные глаза с озорными искорками, — вдруг ты захочешь сказать мне что-нибудь, что предназначается лишь моим ушкам, ну или сделать что-нибудь...

Хана демонстративно потупилась, это выглядело так забавно в невесомости.

— Хаякава-сан, ты провокаторша, — с улыбкой в голосе заявил мужчина.

— Не может быть! — с деланным удивлением воскликнула японка. — Я вовсе не...

Договорить она не смогла, потому что губы Федора накрыли ее, и дальше космолетчица могла лишь постанывать, взмывать или мелодично рычать, когда захватывала инициативу.

11.07.2039.

Атолл Оувеа, Новая Каледония,
французская территория в Тихом океане.

Скафандр был похож на космический. Только жестче и с большим количеством металлических деталей для придания отрицательной плавучести.

Элен и Жаку помог облачиться серьезный немолодой инструктор. Проверил все системы и, одобрительно кивнув, молча вышел из шлюза, запер за собой толстый прочный люк. Через минуту из широкого раструба хлынула тугая струя воды. Буквально за пару минут она заполнила небольшое помещение.

Скафандр неприятно затрещал чуть проседая вовнутрь. Все-таки двадцать атмосфер — это очень много.

Элен с опаской подумала, что, случись что, и ее моментально раздавит. «Да, это тебе не имитация, как на «Куполе»!» — вздохнула девушка.

Жак поднял неуклюжую клешню в успокаивающем жесте.

— Все нормально! — сказала Элен в переговорник. — Костюм сидит прекрасно.

— Да, они у нас модные, — пошутил в ответ голос инструктора. — Вода закачана, открываем дверь. Выходите.

Створка люка медленно откинулась и двое водолазов шагнули наружу.

Баланс был подобран хорошо и Элен почувствовала, что ее тело почти потеряло вес. Скафандр весил всего на пару килограммов больше вытесняемой жидкости.

«Почти как на Лютении, к которой через месяц подлетит Хана Хаякава и ее друзья!» — подумала Элен. Мысль о том, что сама Элен ощущает почти то же самое, что и ее кумир, подняла настроение.

И, выплыв в океанский простор, девушка ощутила чуть ли не эйфорию.

От темного сине-зеленого мира вокруг, от струящегося сверху рассеянного солнечного света, от стаек рыб, лениво проплывающих невдалеке. И даже от высокого крепкого парня, что был рядом. Жалко, конечно, что это не ее Славик, но тут уж ничего не поделаешь.

Элен оттолкнулась рукой от края люка и неторопливо поплыла вперед.

Жак, следующий рядом, привлек ее внимание жестом и демонстративно сдвинул в сторону защитную пластинку на панели управления, размещенной на левом предплечье.

— Поняла, — подтвердила Элен и потянулась к своей панельке.

Она была прикреплена у нее на правом предплечье. Оказывается, для левшей тоже была выпущена небольшая серия скафандров и Элен подобрали подходящий по габаритам.

Вместо сенсоров, что использовали на космических скафандрах, здесь были довольно тугие кнопки. Действительно, спрессованная давлением вода — не вакуум. Девушка уверенно нажала несколько из них, и за спиной заработал водометный двигатель.

«Точно такой, как на имитациях скафандров у космонавтов, что тренируются в бассейне!» — подумала Элен.

Впрочем, не только в бассейне. Совсем недалеко, за рифом, в обширной лагуне, расположилась база аэрокосмического агентства. В городке Фейауэ Элен видела издали космонавтов в красивой летней форме.

«Вот бы познакомиться!»

Но на это совсем не было времени. Экспедиция в глубинный город была расписана по минутам. Уже на второй день после прилета, ее и еще девятерых студентов посадили на небольшую округлую подводную лодку и привезли сюда. К куполам базы, что смутно виднеются мягко светящимися гигантскими икринками за пеленой воды. Они примостились на дне полого уходящего вниз склона. Глубина была приличная — почти двести метров. Совсем не то, что в лагуне атолла, где, кроме макетов космических кораблей и станций, располагалась еще и мелководная база, подвешенная на тросах над грунтом. Чтобы попасть в нее достаточно было просто поднырнуть снизу и выбраться по лесенке, как из бассейна.

На «Глубоководной» не так. Она была герметичная и зайти в нее можно только через шлюз.

Десятерых участников отправляли попарно, чтобы не толкались в тесном шлюзе, но могли помочь друг другу разоблачиться. Четверо ее товарищей уже проникли на базу, еще четверо ждут своей очереди. Разумеется, обычно на подводную станцию работников доставляют не так. Батискаф подруливает к стыковочному узлу, герметически присасывается к куполу и пассажиры преспокойно проходят внутрь.

Но студентов решили сразу же окунуть в подводную романтику.

Конечно же, их не выпихнули наружу без подготовки. Все прошли двухнедельные курсы водолазов. Да и опытные пловцы дежурили рядом, чтобы помочь. Но определенный риск сохранялся. Тот самый риск, который придавал жизни остроту. Франция позаимствовала эту концепцию у Японии, России и той же Новороссии.

Нельзя выращивать молодежь в тепличных условиях. Безопасность не должна становиться самоцелью. Поэтому ее искусственно ограничивали. Не то, что в странах Евросоюза или в тех же Атлантических Конфедерациях США, где граждане постепенно превращаются в изнеженных амёб.

А тем временем Элен и Жак подплыли к закругленной стене из полупрозрачного углепласта и стали на неширокую металлическую площадку перед люком.

— Мы на месте! — сообщил Жак.

— Вижу, — отозвался незнакомый голос. — Открывайте дверь и заходите.

Напарник Элен набрал нужную команду на прикрепленном к стенке пульте. Люк медленно растворился, и подводники вплыли в небольшое неярко освещенное помещение шлюза.

Насосы быстро откачали воду и молодые люди помогли друг другу стянуть скафандры.

— Добро пожаловать в подводный город! — послышалось из переговорного устройства.

На летнюю практику в подводный поселок француженка попала безо всякой помощи отца. Еще бы, теперь уже третьекурсница Элен Бонне — вторая по рейтингу на факультете!

И, хотя некоторые недоброжелательницы за спиной перешептываются, дескать: «Вечно этим богатеньким все дается! Небось папаша приплачивает преподам!», она добилась всего исключительно собственным умом. Да и недоброжелательниц и завистниц было не так уж и много. Девушка совершенно не кичилась своим положением, одевалась скромно,

супернавороченными гаджетами не пользовалась, а то, что домой на выходные ее отвозил личный шофер — так это только для удобства и экономии времени. А прошлым летом Элен утатила троих своих одноклассниц в поместье в Сен Тропе, где они прекрасно отдохнули.

Хотя, если честно, то сделала она это не столько ради подруг, а, чтобы не было так тоскливо. Славик поступал в свое вертолетное училище и опять не смог приехать. И, хотя обижаться на это было глупо, все равно девушка расстроилась. И когда в конце учебного года ей предложили отправиться в эту экспедицию, она тут же согласилась. С определенной мстительностью.

«А вот теперь я не могу с тобой встретиться, месье Бойченко!»

Но это так, вскользь. Побывать в подводном поселке — это почти так же круто, как в космосе!

Франция и Япония соревновались между собой в основании океана, оставив далеко позади остальные страны, даже Россию и Тихоокеанскую Конфедерацию США!

Элен очень гордилась, что в этом ее держава «впереди планеты всей».

Доктор Николь Венсан была очень довольна практиканткой. Молоденькая третьекурсница удивительно быстро освоилась в оранжерее, умело и привычно управлялась с приборами и механизмами, да и растения знала великолепно.

— Элен, — обратилась она к девушке во время обеда в крошечной столовой, — меня не покидает ощущение, что ты уже опытный исследователь. Как такое возможно? Где ты всему этому научилась?

— У русских, — со значением ответила Элен. — Я провела три месяца на их «марсианской станции». «Купол-П» называется.

— Это детский лагерь где-то в Сибири? — усмехнулась ученая.

— Нет! — возмутилась Элен. — Детская станция — это «Купол-Д»! А я была в макете настоящей марсианской базы! Нас пять человек было всего, и в полной автономности! В полярной ночи!

Николь откинулась на спинку стула и с удовольствием наблюдала за раскрасневшейся практиканткой.

— Вы же все знаете и просто надо мной смеетесь! — вспыхнула девушка.

— Не обижайся, — примирительно попросила немолодая доктор биологических наук. — Конечно же, я читала твое резюме. И даже рекомендовала, чтобы именно тебя выбрали из претендентов. Рада, что не ошиблась.

— Спасибо, — Элен еще больше покраснела и потупилась. Уткнулась в тарелку с салатом их овощей и трав, выращенных у них в оранжерее.

Плантации занимали большую часть одного из семи куполов поселка и производили достаточно растительной продукции, чтобы полностью обеспечить ею всех шестьдесят пять ученых, техников и студентов-практикантов, что жили сейчас под морской поверхностью.

Глубоководный поселок еще не достиг запланированных размеров. Еще предстояло построить и опустить на дно два купола. Их разместят отдельно, и исследователи глубин будут плавать туда на работу на небольших транспортных торпедах. К счастью это было почти безопасно. Весь район был очищен от акул. По его границам были размещены звуковые буи, отпугивающие хищников.

Но этот серьезный проект был лишь частичкой грандиозного плана освоения Океана.

Уже сейчас Франция готовилась сделать следующий шаг — разрабатывала новый поселок, на еще большей глубине.

Когда Элен думала об этом, то приходила в смятение. Грандиозность морской программы захватывала ее, но и мечта о Марсе не отпускала. И как же это уместить в одной жизни?!

Впрочем, зачем мучиться и переживать? Пока что она на Земле. И чем лучше покажет себя в подводных экспедициях, тем больше вероятность, что ее выберут в космонавты!

Глава 13. Встреча на экскурсии

15.08.2039.

Звездный, Московской области.

Он очень обиделся на Элен.

Нет, конечно, Славик прекрасно понимал подругу. Если бы ему предложили практику в подводном городе, Станислав бы был от счастья.

Но, все равно! Они с Элен еще с Нового года начали планировать поездку курсанта Бойченко во Францию. Наконец-то все складывалось, и они смогут увидеться!

Славик заранее собрал все документы, вытерпел душеспасительные беседы о «злых буржуях» с особистом и уже собирался подавать бумаги в консульство, когда Элен ошарашила его новостью.

От обиды Славик грубовато с ней попрощался, буркнув что-то типа: «ну и плыви нездоровье!» и вышел из «Любви и Смерти». У него даже возникла мысль удалить своего персонажа и больше не встречаться с девушкой. Тем более, что встречи эти становились все более редкими и оба ощущали скованность и даже запоздалое смущение, когда их персонажи миловались.

Стена между молодыми людьми выросла, и оттого, что они избегали разговоров на эту тему, только крепла. Это было очень обидно и больно, потому что юноша и девушка по-настоящему любили друг друга. И мысли о том, «что он (она) на самом деле меня не любит, а только терпит» отравляли чувства.

Настоящая реальная встреча наверняка бы смыла весь этот осадок, бросила влюбленных друг к другу, соединила их по-настоящему крепко, на всю жизнь.

Но этого не произошло. Новоиспеченная третьекурсница биофака университета Дижона отправилась на полуторамесячную практику в подводный город у берегов Новой Каледонии. А курсант Бойченко...

Чем заняться курсанту Бойченко на своих первых каникулах в вертолетном училище?

Поехать бы к дедушке и бабушке на Украину! Но поздно. Процедура получения визы с сопредельной страной ужасно муторная и он просто не успеет оформить документы до начала второго курса.

Остаться в опустевшей казарме? Это скука невообразимая!

Погостить у отца и его семьи? Но Славик чувствовал себя лишним в этом доме. Лишним и нежеланным.

У Станислава скопилась приличная сумма денег. Он собирал их целый год на поездку во Францию, отказывая себе в маленьких радостях, вроде походов в кино во время увольнений или покупки чего-нибудь вкусенького в армейском магазине при училище. Конечно, Элен бы легко и с удовольствием оплатила все его расходы, но гордость комсорга группы не позволяла сесть на шею дочке олигарха.

Так что почти две тысячи рублей на электронном счету просились, чтобы их потратили.

Можно было бы, например, съездить на море в Очаков, или даже в элитный российский

Крым. Но лениво загорать на солнышке было не в стиле активного курсанта.

И тогда у Славика возникла идея.

Он пробил ее по инету, и с удивлением понял, что у него все прекрасно получится!

Виза в Россию была чисто номинальной. Подал заявление, проверили тебя КГБшники с обеих сторон, и езжай себе в соседнюю страну.

Экскурсионный тур в Звездный летом купить не сложно. Умные люди в это время едут на юга, а не в центр России.

Так что уже через два дня Славик сел на скоростной поезд «Одесса-Москва» и спустя пять часов выходил на Курском вокзале столицы РСФСР.

Людские потоки подхватили парня, утянули в грохочущее поездами метро.

Пять станций по кольцу, одна по Люблинско-Дмитровской до Савеловской, переход на Марьину рошу и долгие 13 станций до конечной — Большево, в городе Королёве.

Народу в вагоне становилось все меньше и меньше, и до места назначения Славик доехал, чуть ли ни в одиночестве. Прошел по гулкой пустой станции, поднялся по эскалатору на поверхность.

И окунулся в жаркий летний вечер. Солнце клонилось к закату, дул несильный сухой ветер. Парень заглядывался по сторонам. Достал коммуникатор. И пошел, поглядывая на него, по проложенному маршруту.

Курсант приобрел свободный тур, так что гиды не возьмут его за ручку и не будут водить, раззявившего рот, да рассказывать всякую ерунду. Славика просто предоставили комнату в гостинице и список экскурсий к которым он может присоединиться, а может и просто так ходить по городку. Единственное требование, постоянно носить с собой коммуникатор и разрешить доступ к отслеживанию биометрии биополей и места расположения. Так что, если бы он попытался проникнуть в запрещенные зоны, то тут же попал на карандаш службы безопасности. Но и разрешенных к посещению объектов в Звездном было предостаточно, так что Славик предвкушал, как целых три дня будет бродить по нему, как присоединится к парочке-тройке экскурсий, как издали, но посмотрит на космонавтов в синих комбинезонах.

И все это у него получилось!

Славик осмотрел все достопримечательности и музеи, покрутился на тренажерах, причем так лихо, что вызвал возгласы удивленного одобрения у других экскурсантов. Поел настоящей космической еды, которая оказалась точь-в-точь, как в рационах «Купола-П». Это вызвало неожиданно сильную ностальгию по той экспедиции и болезненную грусть, связанную с Элен.

«Дурак я тогда был. Почему так боялся сблизиться с ней, пока она была рядом? И сейчас дурак. Нет, вернусь и попробую к ней дозвониться. Расскажу о поездке и постараюсь помириться»

А космонавтов Станислав увидел не издали, а совсем рядом! Четверо мужчин прямо перед его носом вышли из медицинского корпуса. Славик, знавший в лицо всех космонавтов, сразу же узнал Ашота Оганесяна, Артема Терентьева, Юрия Захарова, летавшего в первук марсианскую и его коллегу по третьей марсианской — Антона Локтева.

Повстречать сразу стольких маститых космопроходцев оказалось для юноши шоком.

Он встал как вкопанный и только провожал своих кумиров взглядом.

Все они были уже немолодыми. Совсем скоро это поколение первопроходцев космоса уйдет на покой. И, может быть, ему, Станиславу Бойченко, предстоит подхватить

эстафетную палочку? От этих мыслей парня буквально бросило в жар.

Но, если это и произойдет, то еще не скоро. А сейчас время замечательного тура подходит к концу. В последний третий день Славик решил просто погулять и впитать в себя дух этого места.

И, конечно же, ноги сами привели его к границе запретной зоны. Она заключала в себя целую кучу строений, ангаров и даже просто окрестных лугов и рощиц. На расстоянии в пять метров от границы начинал попискивать коммуникатор. Тогда курсант останавливался и просто смотрел вперед, на недоступную территорию.

Одним из ее участков оказалась... полоса препятствий.

«Странно, зачем она здесь? — удивился Славик. — Может тут тренируются спецназовцы, что охраняют городок? Или сами космонавты по ней бегают, вместо физподготовки?»

Сейчас череду препятствий заканчивала преодолевать одинокая фигурка. Кто именно неуклюже и медленно ползет под колючкой, балансируя руками, переходит бревно и карабкается на стенку, отсюда было не разглядеть. Мешковатая камуфляжная форма, кепка на лысой голове. Но, в любом случае, товарищ был явно не военным. Славику было больно смотреть, как неумело тот двигается.

«Может космонавт на реабилитации после полета? — подумал курсант. — Но, что-то у него с координацией совсем паршиво».

А физкультурник спрыгнул с финального щита, глубоко присев и чуть не завалившись на бок, поднялся на ноги и посмотрел в сторону Славика.

Приветливо взмахнул рукой и пошел в его направлении.

Когда до странного человека оставалось метров двадцать Славик наконец-то разглядел его лицо. И окаменел.

К курсанту приближался робот.

Гладкий пластик лица с декоративно обрисованным носом и неподвижными губами. Объективы вместо глаз. Плоские нащепки на месте ушей.

— Ой, я тебя испугал? — раздался на удивление живой встревоженный голос.

Славик помотал головой, хотя и чувствовал безотчетный страх, холодным комком угнездившийся в животе.

— Прости, — извиняющимся тоном сказал робот. При этом его губы не шевелились. Звук шел от груди. Там, наверное, спрятан динамик.

— Ты... правда, робот? — глупо спросил Станислав.

— Ага, — вздохнул тот. Он уже подошел метров на пять и остановился на самой границе запретной зоны.

— Но... Ты так разговариваешь, как человек.

— Нет. Я. Не. Человек. Я. Электронный. Болван. — механическим голосом произнес робот и вдруг легко и заразительно рассмеялся.

Славик невольно улыбнулся. Этот неправильный андроид почему-то сразу перестал восприниматься как что-то опасное и гротескное.

— Меня зовут Славик, — представился курсант, а тебя?

— Компи, — весело ответил робот.

И у Славика буквально отвисла челюсть. Разумеется, он знал, как зовут первого искина, созданного гениальным Кираном Чаудхари.

— Но... Ты... Как?.. — только и смог промямливать Бойченко.

— А вот так! — Робот крутнулся на пятке, чуть не потерял равновесие и опять рассмеялся. — Все никак не привыкну к телу. Уже полгода, как его ношу, а до сих пор двигаюсь словно паралитик.

— Нет, ты хорошо двигаешься, — чуть покривил душой Славик. — Но... неужели компьютер, на котором ты живешь, запихали вот сюда?

— Нет, конечно! Я уже так разросся что полкомнаты занимаю! К этому аватару я подключен по сети. Посылаю на него управляющие сигналы и считываю информацию. А сам я все там же в Дели обитаю.

— Вот как?! — удивился Славик и вдруг спохватился: — А ничего что я с тобой разговариваю. Это, наверное, все засекречено?

— Есть такое дело, — вздохнул Комп. Но, знаешь, как иногда хочется с нормальными людьми пообщаться, а не с кибернетиками и программистами. Ты уж извини, что втянул тебя. Я попрошу, чтобы это тебе не аукнулось ничем. Уверен, меня послушают. Иначе, если я выясню, что у курсанта Николаевского вертолетного училища Станислава Бойченко возникли проблемы, я такую бучу подниму!

— Ой, а как ты узнал?

— У меня знаешь какое быстроедействие?! — похвастался Комп. — Я уже сверил твои фотографии с базами данных. С очень закрытыми и засекреченными, между прочим! И нашел тебя!

— Значит, ты можешь все обо мне узнать? — чуть насторожился Славик.

— Только общую информацию, — вздохнул робот. — Я ужасно хочу расспросить тебя про «Купол-П», про жизнь у вас в Новороссии, про то, чем ты интересуешься! Этого ни в каких досье нету.

— Да ну, я обычный человек... — смутился Славик.

— Обычных людей не бывает, — веско заметил Комп. — А ты... ты очень интересный. Я бы очень хотел поговорить с тобой подольше, на мне уже пора бежать на очередные тесты.

— А мне сегодня днем улетать, — вздохнул Славик.

— Но у тебя ведь каникулы еще не кончились? — спросил Комп. И, как бы задумчиво, предложил: — А если я договорюсь с местным начальством, чтобы тебе разрешили со мной пообщаться, ты сможешь задержаться на несколько дней?

— Конечно смогу! — не веря в такую редкую удачу, воскликнул Славик. — Но зачем тебе это? Тебя наверняка столько людей интересных окружает!

— Угу. Но они все взрослые серьезные дядьки! Я просил Кирана познакомить меня с детьми. Пара сотрудников привели в лабораторию своих чад. Но те меня боятся, да и глупенькие еще. А ты как раз моего возраста.

— Правда?

— Ну почти. Если честно, то я тебя на пару лет старше. Но это физически, а психологию в меня Киран вложил как у подростка. Умного подростка.

И он рассмеялся.

— Ну так как, ты согласен повозиться со мной?

— Конечно!

Комп ушел и Станислав промаялся в ожидании два часа. Парень не знал куда себя деть. Но вот коммуникатор мелодично пропел, и, со спешно растянутого экранчика,

подтянутый молодой человек сообщил, что Станиславу Бойченко оформлен допуск в одну из закрытых зон, и что ему следует незамедлительно пройти в корпус номер двадцать три для инструктажа.

Юноша стоически выдержал серьезные разговоры с безопасниками, выслушал инструктаж и был пропущен к небольшому двухэтажному дому, где располагался кибернетический отдел.

На пороге его встретил темноволосый смуглый мужчина, в котором Славик с замиранием сердца узнал самого Кирана Чаудхари.

Тот оказался очень улыбчивым и удивительно легким в общении, прямо как его создание, к которому проводил Славика.

И началась совершенно невероятная жизнь.

Станислав ходил сюда, как на работу. На ужасно интересную и приятную работу.

Когда Компи был занят, молодой курсант помогал со всякими мелочами. Он очень легко осваивал приборы и оборудование, так что Киран даже выхлопотал ему временную должность лаборанта с неплохим окладом.

— Не надо! — попытался протестовать Славик. — Я и так вам помогать буду!

— Ничего, деньги лишними не бывают, — веско произнес Киран. — К тому же это пойдет тебе в личное дело, будет еще один плюсики, если действительно попытаешься считать космонавтом.

Парень смущенно покраснел, кивнул.

— Вот и замечательно!

Компи старался как можно больше общаться с новым другом.

Они вместе бегали по полосе препятствий. Славик учил неуклюжее кибернетическое создание играть в баскетбол. Просто гуляли по огороженной территории или сидели на берегу небольшого пруда.

— Жалко, я не могу плавать, — вздыхал Компи. — Просто жуть, как хочу научиться! Но этот аватар только наполовину собран из композитов. Остальное — металл. Так что я слишком тяжелый и разве что по дну могу ходить.

— Да, жалко, — поддержал друга Славик. Самому ему ужасно хотелось освежиться, но он сдерживал себя, чтобы не дразнить Компи.

— Вообще, этот прототип жутко несовершенный! — продолжал искин. — Его делали для людей, а под меня лишь приспособили.

— Для людей? — удивился Станислав.

— Ага, японская программа «Аватар». Слышал?

— Совсем немного, — вздохнул Славик. — О ней открытой информации кот наплакал. Вроде бы джаксовцы хотят использовать дистанционно управляемых роботов на Луне. Так?

— Почти, — усмехнулся Компи. — Ты о виртуальной реальности слышал?

— Естественно. Но она тут каким боком?

— Обеими. А еще задом и передом. Люди будут не просто управлять андроидами, а как бы переноситься в их тела. Чувствовать их руками, видеть глазами. И управлять аватарами, как собственными телами.

— Кру-уто! — выдохнул Славик и спохватился: — А это не слишком секретная информация? Тебе ничего не будет, что рассказал?

— Не-а! Киран разрешил. Ты бы и так все понял, общаясь со мной. Ведь особой разницы нет чей дух по радиоволнам вселился в аватара — человека или искина. Только мне, в

отличие от людей, приходится учиться всему с нуля. Двигаться, ходить, бегать и прыгать. Управляться с руками.

— Да, нелегко тебе, — посочувствовал другу Славик.

— Зато, до жути интересно! Вот бы еще мимические мышцы сделали бы! Очень хочется научиться проявлять эмоции не только голосом. Но японцам не до этого. Да и русским. Киран днями и ночами пропадает в лаборатории и все сотрудники загружены выше головы. У них идет финальная отладка целых четырех искинов для лунных баз.

— Четырех? — поразился Славик, но быстро сообразил: — А! Ну да! Русской орбиталки и на поверхности, индийской и японской орбитальной, да?

— Именно. Там такая шевутная семейка будет! Я тоже участвую в проекте, и буду с ними на постоянной связи первые месяцы. Так что пока не до моего аватара. Но потом я насыду на Кирана так, что ему придется снабдить следующее тело подвижным лицом. А заодно сделать его плавучим!

Через две недели Славику пришлось возвращаться на Родину в Николаевскую республику.

Ужасно не хотелось прерывать общение с Компьютером. Да и тому тоже.

Поэтому приятели договорились, что искин тоже создаст себе персонажа в «Любви и Смерти». Правда, тогда у Славика будет меньше времени на общение с Элен. Но они и так все реже встречаются, а после последней размолвки так и вообще уже два месяца не виделись в игре.

«Так что, может быть, все к лучшему?» — подумалось Славику.

Глава 14. Высокие прыжки

28.10.2039.

Астероид Лютеция.

Игорь испытывал смесь восторга и тревоги. Он, по совету Ханы, придерживаясь обеими руками за поручни, медленно соскользнул, минуя ступеньки лесенки, на грунт. Разжал левую руку и неуклюже повернулся, чуть не потеряв равновесие. Тело было слишком легким. Массивный скафандр, ранцевый двигатель и сам космонавт в сумме весили чуть больше килограмма.

Ощущения были как в центральных отсеках «Циолковского» или во время долгого разгона и торможения ядерного буксира.

Но причиной волнения командира межпланетного корабля была не микрогравитация.

Игорь провел в космосе в общей сложности свыше двух лет. Он дважды летал к Луне и один раз к Марсу. Но ни разу не ступал на поверхность космических тел. Судьба «извозчика» — пилота ядерного буксира — довести корабль до места и вернуть его к Земле. А между этим кружиться по орбите и завидовать своим коллегам, которые гуляют по Луне.

В принципе он и здесь должен был поступить так же. Но земное руководство сжалилось и разрешило ветерану космоса пройтись по Лютеции. Тем более подвернулся повод — Федору и Хане нужна была помощь еще одного человека.

Игорь наконец-то решился на первый шаг. Он осторожно отпустил поручень лесенки. И почувствовал, что не может сохранять равновесие. Тело стало медленно клониться вправо. Полковник Мыскин опять схватился за тонкий пластиковый прут.

— Я же говорила, что здесь надо прыгать! — услышал он насмешливый голос Ханы. — Давай, не бойся, в космос не улетишь.

Ну да, тяготение Лютеции, хоть и совсем мизерное, но, чтобы выйти на ее орбиту, надо разогнаться до шестидесяти метров с секунду. Даже запаса сжатого воздуха в ранцевом двигателе на это не хватит, не то что своими силами выпрыгнуть из зоны гравитации.

Зато, можно просто поскакать. Следуя советам японки, Игорь опять отпустил поручень, медленно полуприсел и оттолкнулся ногами. Масса никуда не делась, и пришлось приложить усилия, разгоняя инертное тело. Каменистая равнина неторопливо уплыла вниз. Игорь подлетел метров на пять и начал опускаться. С легкой паникой сообразив, что заваливается вперед и влево.

— Мда! — хмыкнула Хана. — Ладно, падай, не бойся.

А грунт уже рядом, он надвигается. Несильно толкается в левую ногу. Игорь вставил руки и упал ничком. Ладони утонули в слое реголитовой пыли, коснулись каменного основания, спружили и космонавт увидел, что поверхность вновь удаляется. Он подлетел почти на метр и опять опустился, в поднятое его падением облачко.

— Рожденный ползать... — прокомментировала Хана.

— А сама-то! — вступился за командира Федор.

— А что, я только первый день падала, не то что некоторые! Ты до сих пор изображаешь

из себя неваляшку!

— А может, мне это нравится?

— Лежать на Лютеции? — подпустив в голос стервозности, осведомилась Хана.

— Ну...

— Все вы мужики такие! — обвиняющим тоном подытожила японка.

Игорь в очередной раз подумал: «Интересно, насколько близки эти двое?». Нет, планетолог и пилот вели себя как обычно. Подкалывали друг друга, порой дурачились. Но иногда Игорь ловил в их взглядах неожиданно сильную нежность и что-то такое, особенное, что свойственно лишь влюбленным. К тому же они теперь понимали друг друга с полуслова. Да и слишком уж полюбили проводить время вдвоем, особенно за тестированием «Ласточки». А сейчас, когда экспедиция добралась до Лютеции, постоянно летали вместе. Это понятно — Хана пилот, а Федор планетолог, но все-таки.

Все это беспокоило командира. Но вроде бы ничего плохого в их отношениях для экспедиции не было. А в остальном пусть психологи с Земли разбираются!

Ладно, хватит размышлять обо всяком, обнимаясь с астероидом.

Игорь попробовал подняться, но это не удалось.

— Брось, капитан! — в голосе Ханы неподдельное веселье. — Передвигайся лучше на четвереньках. Вспомни своих предков.

— У них еще и хвост был, — возразил ей Федор. — Так что у Игоря нет шансов.

— Ладно, кэп, наблюдай мастер-класс!

В поле зрения Игоря всплыла медленно опускающаяся Хана. Она чуть подогнула ноги в конце полета, мягко погасила инерцию и, не останавливаясь, оттолкнулась вновь. Неторопливо взлетела метра на четыре, опять приземлилась и тут же отправила себя в следующий полет.

— Тут главное не останавливаться, а, если чувствуешь, что заваливаешься, в следующем прыжке корректируешь полет, — спокойным голосом пояснила Хана.

— Сейчас попробую.

Игорь оттолкнулся руками, почти выпрямился и, не дав себе опять свалиться, прыгнул.

— Слишком высоко. Толкайся совсем чуть-чуть.

— Хорошо.

Игорю удалось приземлиться на ноги, и он снова взмыл вверх. И, постепенно принаравливаясь, запрыгал вслед за Ханой.

С каждым прыжком неровный горизонт отдалялся, открывая далекие кратеры и скалы.

— Хана, ты командира далеко не уводи, — послышался голос Федора. — Нам еще работать.

— Скучный ты и не романтичный! — весело отозвалась японка. — Дай своему старшему товарищу повеселиться.

— Э! — Игорь зазевался и неудачно свалился на бок.

— Давай, поднимайся, и поскакали обратно! — подогнала его Хаякава.

Они вернулись к космолету, из которого трудолюбивый Федор уже выгрузил маленькую буровую установку.

Все вместе установили ее строго вертикально и закрепили на расчалках. Запустили и наблюдали, как тонкий бур медленно уходит в реголит.

В этом вылете им предстояло пробурить очередную скважину и разместить на глубине сейсмодатчик. По идее с этим справились бы и роботы, но тогда зачем нужны люди?

Правда, без роботов не обошлось. Хану Хаякаву ввели в состав экспедиции не только за ее красивые черные глаза и великолепные навыки пилотирования всего, что только может летать.

Как и со второй марсианской экспедицией Джакса подготовила и заранее отправила к Лютении автоматическую станцию «Мицубачи» с целым набором зондов. Два из них кружили по орбитам, фотографируя и снимая видео во всех возможных диапазонах. Один — попрыгунчик, размером с кролика, обскакал десятки километров поверхности, беря микропробы и проводя их экспресс-анализ. А еще девятнадцать массивных конусообразных стрел были забиты в обойму кружащей над Лютенией станции, готовые вонзиться в плоть астероида, ввинтиться, проникнуть в его глубину и взорваться, вызвав сейсмические волны, и таким образом «просветить» глубинные слои.

Задачей Ханы было управлять всем этим зверинцем и, согласовывая с Федором, максимально эффективно им распорядиться. А капитан, после приятной физической работы «на свежем воздухе» отправится обратно на корабль, чтобы продолжать завидовать своим подчиненным и мечтать, чтобы ему разрешили хотя бы еще одну такую прогулку.

Глава 15. Планетологическая романтика

29.12.2039.

Астероид Лютеция.

— Давай! — напряженным голосом скомандовал Федор.

Хана, плавающая в невесомости в трех метрах от мужчины, сжала губы в тонкую ниточку и, еще раз взглянув на монитор и крепко взявшись за поручень, вжала большую тугую кнопку. Запуск сейсморакеты.

Разумеется, не японская космолетчица прицеливалась в заданную точку поверхности. И не она определяла ту миллисекунду, когда надо запустить двигатель сверхпрочной стрелы. Все это делала точная автоматика. Но исключительное право нажать на кнопку, приводя в действие сложнейшие механизмы и электронные системы трудолюбивой «пчелы», должен иметь только человек.

А первая из девятнадцати ракет уже вылетает из обоймы, быстро разгоняясь и закручиваясь вдоль продольной оси, стремительно несется вниз к каменистой поверхности.

«В глупых фильмах она бы ревела в полете и воткнулась в камни с громоподобным грохотом», — подумала Хана.

Впрочем, второе было отчасти правдой.

Звуковые волны начали расходиться еще только, когда ракета нырнула в «лунную пыль», покрывающую сухим океаном, глубиной до трех километров, поверхность астероида. Но это был лишь сигнал для восьми сейсмодатчиков, опущенных в глубокие скважины, насторожиться и приготовиться к получению важнейшей информации.

И она пришла с эхом взрыва мощной боеголовки «на дне», там, где реголит уже представлял собой каменные обломки.

— Пошли данные! — обрадовано воскликнул Федор. — Хануся, пошли, родимые!

Мужчина оторвался от монитора, по которому сплошным потоком сверху вниз заструилась цифирь. Сейчас не было никакого смысла в ней разбираться, это работа на долгие месяцы для целых институтов. Но планетолог предвкушал, что на обратном пути к Земле тоже в них покопается в свое удовольствие.

Но теперь его дело было сделано — все датчики исправно отработали и Федор мог дать волю эмоциям.

Он сильно оттолкнулся от панели и полетел к Хане. Благо «Циолковский» уже четыре месяца как не вращается, и нет нужды пристегивать себя, фиксируя от действия микрогравитации. Так что Федор пролетел отделяющие их метры, снес миниатюрную японку, закружив ее в крепких объятиях.

— Что творишь! — только пискнула она и, обмякнув от удовольствия, тихонько, чтобы никто на корабле или на Земле не заметил, поцеловала любимого в висок.

Но тут же для проформы забарахталась, ухватила за проплывающий мимо поручень.

Молодой женщине ужасно хотелось накинуться на Федора. Они уже четыре с половиной месяца не были близки, шифруясь от «всевидящего ока Москвы» и жутко

изголодались друг по другу.

«Скорей бы в обратный путь, — подумала Хана. — А там я устрою аварию с телекамерой в «Ласточке»! Но сейчас некогда думать о главном. Надо трудиться»

— Федя, хватит тискать коллегу! — возмущенным голосом воскликнула Хана и оттолкнула мужчину, напоследок одарив его многообещающим взглядом. — Следующую ракету пропустим!

Планетолог с сожалением отстранился и пробормотав: «Вот незадача, не дают воспользоваться моментом», отправился к своему пульту.

— Э! Это я-то «момент»? Это мной «попользовались»? — делано возмутилась Хана тоже занимая место перед панелью управления «Мицубачи». — Капитан, он опять обижает хрупкую девушку!

— Федя, не обижай хрупких девушек! — строго откликнулся Игорь.

Он вместе с Настей и Катей устроились в креслах рубки управления и на своих мониторах любовались зрелищем взрывов сейсмических ракет.

— Я больше не буду, — покаянным тоном ответил Федор и тайком показал Хане кулак. — Ладно, хрупкая... девушка... готовься ко второму бабаху.

— Всегда готова, — кивнула Хана, и ее руки запорхала по сенсорам панели ввода.

Они бомбардировали астероид почти месяц. «Мицубачи» переходила с одной орбиты на другую, прицеливалась и запускала очередную ракету. Сейсмические волны расходились во все стороны и улавливались чуткими датчиками.

Конечно, стокилометровому астероиду эти взрывы были как слону комариные укусы. Лишь вспухали над поверхностью облака пыли, медленно-медленно оседая в микроскопически слабой гравитации.

В общем-то произведенный фейерверк был почти что прощальным салютом. Через девятнадцать дней «Циолковский» покинет Лютетию и отправится в долгий путь к родной планете.

Но, с другой стороны, целых девятнадцать дней!

Федор собирался использовать их до последней минуты!

Планетолог согласовал с ЦУПом скорректированную программу, и они с Ханой направились в очередной полет.

Топлива в баках «Ласточки» оставалось совсем немного. Как бы ни была мала гравитация Лютетии, но ресурсы землян ограничены. Еще три полета — и все.

В этот раз Федор выбрал для исследования очень перспективный кратер в районе «экватора». Пролетавшие над ним зонды засекли явные металлические отсветы в породе. Для богатого металлами астероида это было обычным делом, но отчетливо серебристые оттенки цвета наводили на приятное подозрение. Космонавты подгадали так, что подлетели к месту ранним утром. Лютетия делает оборот вокруг своей оси за восемь с небольшим часов, так что у Ханы с Федором впереди часа три времени.

Серый мир вокруг. Как будто кто-то украл все краски или выкрутил в ноль цветность. Маленькое острое Солнце светило раз в семь слабее, чем на Земле. Но это был единственный источник света, не считая звезд. Гребень кратера отбрасывал длинную

непроглядно черную тень. Очень резкую из-за отсутствия атмосферы и небольшого углового диаметра Солнца. Было ощущение, будто часть поверхности просто исчезла.

И Федору предстояло шагнуть в это ничто.

Он не стал включать фонарь на шлеме, тот все равно не поможет при движении «астероидной походкой». Вернее, длинными пологими прыжками, к которым планетолог уже привык. Мужчина слегка оттолкнулся одними стопами и, взлетев на полметра над черным провалом тени, неторопливо заскользил вперед. Постепенно космонавт снизился. Ноги по середину бедер как будто отрезали, они лишь чуть-чуть прорисовывались в отраженном свете.

Федор приготовился, чуть согнув их в коленях и, когда ступни коснулись грунта, опять оттолкнулся.

И снова он воспарил над чернотой. На крошечном экранчике заднего вида в верхней левой части шлемофона — удаляющийся конус «Ласточки». Там осталась скучать и беспокоиться о нем любимая женщина. Это было непривычно и невероятно приятно.

Федор, после неудачного опыта совместной жизни в молодости, считал себя закоренелым холостяком, вроде Игоря Мыскина. Над ними даже подшучивали: «Мыскин и Мисалов — мышей на сало не ловят».

Глупо, но почему-то смешно.

Еще один прыжок. Поверхность плавно поднимается к гребешку кратера — довольно крупного для Лютении — два километра в поперечнике. Опытный глаз геолога уже заметил металлический отблеск, особенно явно видимый на одном из валунов, составляющих гребень.

— Вот к нему я и направлюсь, — вслух подумал Федор.

— Ты о чем? — осведомилась Хана.

— Да так о своем, о мальчишковом, — ответил планетолог. — Возьму правее, там виднеется многообещающий образец.

За два с половиной месяца исследований Федор уже обнаружил и задокументировал несколько весьма неплохих месторождений. Два очень крупных железно-никелевых, одно медно-титаномагниевого с примесью рутения и парочку не очень богатых платиноидами медно-никелевых. На Земле это вызвало бы бурю восторга, но вести отсюда простые металлы не имеет смысла. Большинство их дешевле и проще добывать из реголита на той же Луне или Марсе.

Конечно, Федор и Хана исследовали лишь маленькую часть Лютении, и главная надежда была на данные полученные сейсмомониторингом, но улетать на Землю без серьезных результатов было обидно.

Еще десяток скачков, и Федор на месте. Одна из самых серьезных трудностей при движении по Лютении — это правильно остановиться. Хана исполняет это виртуозно, в пару прыжков. А вот Федор не так ловок, хотя и ему обычно удается в конце сохранить равновесие.

Сейчас — почти.

Он все-таки коснулся руками грунта, вернее, каменной глыбы на самой вершине кратера.

Заглянул вниз. Резкий спуск высотой метров в десять сменялся пологим откосом, плавно закругляющимся на дне амфитеатра. Кратер был явно молодым, и вездесущая «сухая вода» реголита покрыла лишь его чашу. И из этой серой мягкой поверхности к тому самому

валуну, за который придерживался планетолог, поднималась широкая металлически поблескивающая полоса жилы.

Федор наклонился ниже, отстегивая от пояса заостренный геологический молоточек.

Но, натренированный глаз геолога уже все сказал ему по специфическим оттенкам блеска.

— Ох ты ж! — прошептал Федор.

— Что там у тебя? — спросила Хана.

— погоди минутку...

Федор примерился и, крепко схватившись за выступ, чтобы не улететь от отдачи, ударил молотком под основание одного из полуотколовшихся слитков.

Тот взлетел вверх.

Мужчина отпустил каменный гребешок и подпрыгнул следом. Поймал обладающий неожиданно большой инерционный обломок и, увлекаемый им, медленно отлетел в сторону, упал на бок.

— Да! — возликовал Федор. Масса обломка с острыми кубическими гранями в пару кулаков размером была килограмм тридцать или сорок. И совершенно явный оттенок — серебряно-белый с желтоватым отливом — мог принадлежать только платинистому иридию.

— Федя? — позвала его Хана.

— Хана, Ханочка! Хануся! — закричал планетолог в рацию. — Знаешь, как я назову этот кратер и то, что в нем? Кратер Ханы и месторождение Хаякавы!

Глава 16. Виртуальность для искина

18.02.2040.

МОО РПГ «Любовь и Смерть».

У Компи была проблема с прокачкой. За полгода игры его друид поднялся только до двадцать седьмого уровня.

Дело в том, что искусственный интеллект очень не любил убивать живых существ. Пусть даже в виртуальном мире. Именно не любил. Никаких «азимовских правил» Киран в свои творения не вкладывал. Программист считал, что эмоций вполне достаточно.

— Но ты же играешь в шахматы? — немного удивленно спросила Кэйлаш. — Представь, что монстры — это просто фигуры на доске, которых ты съедаешь.

— Бррр! — невысокий юноша в очках передернул плечами. — Есть монстров?! Ну уж нет! И мне не нравятся шахматы. Иногда играю, когда просят, но не для удовольствия. Вот го, другое дело.

— Го? — оживился гном Тимур.

— Ага. У меня, между прочим, первый про дан по японской классификации! — похвастался искин.

— Круто! — персонаж Тимура почесал здоровенной ручищей в затылке, сдвинув рогатый шлем на лоб. — А я на четвертый кю играю.

— Здорово! — обрадовался Компи. — А давай как-нибудь устроим партию. Выберем пару часов, чтобы и у меня было свободное время и у тебя! Я на КГС обитаю, на японском сервере. Дам тебе шесть камней форы и будем на равных!

— Заметано!

Четверо друзей возвращались с рейда. Сегодня они неплохо прогулялись по джунглям. Поохотились на местную фауну и выполнили парочку ивентов, которыми была богата эта игра.

Немного трудно было играть такой несбалансированной группой, с почти никаким хилом, но закаленные в сотнях виртуальных сражений игроки могли паровозить и не одного вагона, а целый состав.

— Кстати, Компи, я все хотел спросить, — обратился к шуплому пареньку квадратный гном Тимур. — Тебе как управление персонажем? Похоже на аватара?

— Нет, конечно! Оно простейшее и совсем не требует внимания и ресурсов.

— То-то ты умудряешься никогда не умирать даже в самой гуще боя, не смотря на свой левел, — согласно кивнул Тимур. — Мне бы твою реакцию.

— Нет проблем! Давай тебе в мозг пару серверных стоек впихнем! — чуть насуплено пошутил Компи.

— Не обижайся, — тепло попросила Кэйлаш. И, чтобы сменить тему: — Наверное ты ждешь не дождешься, когда виртуальную реальность запустят.

— Не очень, — ответил Компи. Это для вас она интересна, а мне гораздо приятнее по настоящему миру походить, пусть в аватаре!

— Кстати, а сколько нам еще ждать виртуалку? — как бы мимоходом поинтересовался Тимур, хотя голос выдал нешуточный интерес студента третьего курса факультета кибернетики Уральского университета.

— Еще не скоро, — вздохнул Компи. — Сейчас Япония в огромном отрыве от остальных стран. Программа «Аватар» всю развивается. Но и другие уже взялись за исследования. Года через два у вас в России, в Китае, в Европе и США, я уж не говорю про Индию, появятся собственные установки по передаче управления и информации между человеком и андроидом. Я думаю, где-то через год после этого японцы выпустят на рынок первые капсулы полного погружения и компьютерные игры для них. Я знаю, что этим занимается «Сони».

— Представляю, сколько они будут стоить! — пробурчал Славик.

— Ага! — подтвердил Компи. Я читал секретный проект фирмы «Сони». Они рассчитывают в первые годы, пока будут монополистами, сорвать до триллиона йен прибыли.

— Опять наш Компи шарился по закрытым сайтам. — укоризненно и в то же время с уважением высказался Тимур. — Кстати, интересно, а тебя самого не пытаются взломать?

— Еще как пытаются! — обрадовался теме искин. — Но над моей защитой работают лучшие лаборатории Индии, России и Японии, она как кожура на луковице — толстенная и многослойная. А хакеры и киберподразделения дальше третьего уровня пока что не проникали.

— Солидно, — хмыкнул Тимур.

— А еще я иногда наношу ответные визиты и хорошенько хулиганю у них на серверах. Понимаешь, Тимур, я ведь живу в сети, а не выбираюсь в нее поработать с девяти утра до пяти вечера. Есть, конечно, гениальные хакеры, но и им не хватает глубины понимания виртуального пространства. Но поиграть с ними в прятки и догонялки интересно. Я даже почти подружился с некоторыми. Кстати вот сейчас за нами наблюдает Джошуа Кенбери из Сиэтла. Привет Джош!

— Ой, а как? — чуть испугалась Кэйлаш.

— Запустил трояна, взломал админский аккаунт и посадил несколько ботов-шпионов, — пояснил Компи. — И не один он за нами приглядывает. Если точнее, то целых шесть групп наши разговоры слушают.

— Да уж... — протянул Тимур.

— Компи, — сумрачно обратился к другу Славик. — А как тебя вообще пускают с нами общаться? Или ты от безопасников убегаешь?

— Зачем? — удивился искин. — Это же их работа, меня защищать и контролировать. Вот сейчас ребята из русского и новоросского отделов «К» за нами следят. Я к этому привык.

— Не очень это приятно, — сообщила Кэйлаш.

— Вы не волнуйтесь! К вам никаких претензий у КГБ не будет! Я им твердо заявил чтобы не докапывались! А со мной считаются. Я, хоть и электронный, но злиться умею!

— Ну-ну, — усмехнулся Славик.

— Я пытаюсь научиться, — поправился Компи и вздохнул. — На самом деле ты прав, эти качества мне Киран не установил. Зато я умею обижаться!

— Замечательное свойство, — печально пробурчал Славик.

К сожалению, им обладает не только искин. Одна его знакомая француженка тоже...

Мысли об Элен привычно испортили настроение курсанта Бойченко. Девушка практически перестала появляться в игре, ссылаясь на занятость учебой. И их встречи стали сухими и напряженными, безо всякой романтики. Славик чувствовал, что надо серьезно поговорить с Элен, попробовать сделать шаг ей навстречу, но глупая гордость не давала так поступить. Он не подозревал, что его любимая испытывает те же чувства и те же трудности.

— Ладно, ребята, мне пора, — сообщил Комп. Надо новое тело тестировать.

— С подвижным лицом? — оживился Славик.

— Нет, — ответил Комп. — Андроида для космоса.

— У-у-у! Везет же! — протянул Тимур. — В космос отправишься!

— Ага, — подтвердил Комп. — Но еще не очень скоро. И совсем недалеко. Мне ведь дальше орбиты Земли не выбраться.

— Почему? — спросила Кэйлаш.

— Кто же отправит в дальний космос мои сервера? А работать на Луне с задержкой в две с половиной секунды — одно мучение, — вздохнул Комп.

— Не грусти! — поддержал его Славик. — Все равно это классно! Удачи тебе и пока!

Глава 17. Дитя космоса

25.02.2040.

В 2 миллионах километров от Лютеции
и в 443 миллионах километров от Земли

В обратный путь мы отправились с очень хорошим настроением.

Экспедиция удалась. Вся автоматика отработала без сбоев, ни одной серьезной аварии не приключилось. Материал для планетологов собран такой, что им на много лет работы хватит. А под конец Федя открыл богатейшее месторождение металлов платиновой группы. Десятки, если не сотни тысяч тонн платины, иридия, палладия и прочих сверхдорогих и таких нужных промышленности редчайших элементов таблицы Менделеева. Сопоставимо со всеми разведанными запасами этих металлов на Земле!

Не представляю, какой праздник царит в японском концерне Комацу и нашей Росгеологии! А наш последний олигарх Иван Поднесский небось вообще на ушах ходит!

Ну да, у него только треть акций госкорпорации — большая часть все-таки у государства. Ну да, ему придется отстегивать положенные 75 процентов подоходного налога, но все равно это попахивает увеличением его многомиллиардного капитала в разы!

Штурмовать Ванюше первые строчки списка Форбс.

А у наших пропагандистов появится очередная тема: «вот видите, западные господа, российские олигархи, которые ведут себя честно с государством, побогаче ваших будут!»

А то, что этих самых олигархов к нашему времени уцелело столько, что одной руки хватит пересчитать, дело другое.

Ну, в самом деле, никто же не мешал толстосумам двухтысячных вести себя скромно и сдержано!

Сначала развязали необъявленную войну против президента Серпухова и его соратников. Скольких его друзей киллеры убили, на самого президента покушались семь раз! Ну и пошли олигархи кто на нары в пожизненное заключение, кто в деревянные ящики. Спецподразделения только что воссозданного КГБ при захвате поместий старались их хозяев живыми не брать.

А дважды пропущенная через досрочные выборы Госдума приняла налоговый кодекс с крутейшей прогрессивной шкалой налогов и целую пачку законов. По которым, те богатеи, что хотели остаться в России, должны были вернуть в нее все зарубежные активы и жить по новым законам. Большинство тех, кто с этим не согласился... просто уехали на Запад, оставив все свое имущество родной стране. Туда же, но уже пинком и пожизненно лишённые гражданства, отправились те, кто решил поиграть «с авторитарной властью военной хунты и кровавой гэбни». А конфискованная собственность национализировалась и на ее основе разворачивалась грандиозная реиндустриализация, которая и привела меня, Анастасию Белякову, сюда, в пояс астероидов.

Народ, правда, возмущался таким мягким отношением к бывшим хозяевам жизни, требовал крови. И для меня самой до сих пор непонятно, почему такой жесткий и даже

жестокий в других проявлениях политики Серпухов не повторил в стране 1937 год. Вполне бы мог. Может быть, он не сделал этого потому, что понимал: кровавый маховик пойдет раскручиваться, только дай ему сделать пару оборотов.

Так что западная цивилизация приняла в свои объятия последнюю самую состоятельную волну русской эмиграции. Вот только миллиардные счета в швейцарских банках очень быстро обесценились. Двадцатые годы были для мира капитала просто жутко катастрофическими.

Сначала украинский кризис и газово-нефтяное эмбарго России, которое подкосило европейскую экономику. Потом крах транснациональных корпораций, когда в 20 году Китай национализировал все иностранные предприятия и обрушил доллар. Потом по США врезался со всей силы проигранная вторая Китайско-Американская война. А напоследок, в двадцать седьмом, ВКС России, Индии и Ирана перемешали с песком нефтяные монархии Саудовского полуострова.

Так что бедные-несчастные богачи.

Вот.

И о чем это я?

А! О месторождении Хаякава, что в кратере Ханы! Мы все, когда услышали радостные вопли Федора по рации, дружно переглянулись.

— Ничего-себе признание в любви, — прокомментировала Катя.

Мы с Игорем только кивнули. Теперь уже ни у кого из нас не осталось и тени сомнения в том, какие отношения связывают эту парочку.

Впрочем, при нас они стараются вести себя как обычно. В меру безбашенно то есть. Но сегодня, когда эти двое оборотов отправились на «Ласточку», консервировать оборудование так хорошо послужившего нам маленького кораблика, я прекрасно разглядела озорные и азартные искорки в глазах Ханы.

Я вовсе не собиралась подглядывать за ними! Просто проверила, идет ли с камер наблюдения «Ласточки» видеопоток.

Не идет. Неисправность. Да еще и хитрым образом заблокирована возможность включить видеосъемку с Земли.

Моя рука сама потянулась к сенсорам пульта, чтобы исправить аварию. Но я остановила себя.

И густо покраснела, представив, какое изображение пойдет тогда в ЦУП.

Эти заразы пробыли в кораблике целый день! На ужине были усталые, но довольные, как мартовские коты, вернувшиеся после многодневного загула.

Потом, когда мы с Ханой остались одни, я тихонько спросила ее:

— И как?

Та остро на меня посмотрела, но ответила честно:

— Суперски! — и похвасталась: — Я буду первой за многие века, кто дополнит камасутру десятком новых позиций!

— Хана, у тебя в голове хоть немного мозгов сохранилось?

— Нет, конечно. Федя все вышиб.

— Вы хоть предохранялись?

— Интересно как? — усмехнулась подруга. — Я не видела в номенклатуре наших запасов столь специализированных изделий. Но у меня вроде бы не очень опасный период. Так что, надеюсь, пронесет. А ты, дорогая моя Нася, будешь молчать как самый тихий

глубоководный кальмар!

Я лишь вздохнула.

А через месяц оказалось, что Хана ошиблась. После очередного медицинского осмотра Катя поморщилась, как от зубной боли и спросила у космолетчицы:

— И что ты теперь будешь делать?

Японка пожалала плечами и спокойно ответила:

— Рожать.

— Идиотка, — печально констатировала врач экспедиции. — Во время посадки на Землю у тебя будет уже пять месяцев. При трехкратных перегрузках, жуткой вибрации и прочих прелестях.

— Я все равно попробую, — со стальной невозмутимостью заявила Хана. — Катя, это не обсуждается.

И Екатерина Новкина больше на эту тему с Ханой не заговаривала. Более того, она, так же, как и все мы, встали на сторону японки, когда доктора с Земли попытались уговорить Хаякаву сделать аборт.

Мне было до чертиков страшно потерять свою дорогую подружку, но я понимала, что предай я ее сейчас, и все. Сама не смогу смотреть ей в глаза.

А еще я очень сильно ей завидовала и запоздало думала, что, может быть, все-таки была не права тогда в декабре тридцать шестого.

Бракосочетание отпраздновали 15 апреля.

— Хочу, чтобы вы устроили все те безобразия, что положены на русских свадьбах! — заявила Хана.

— И как, скажи на милость, мы это сделаем? — осведомилась я.

— А это уже ваши проблемы! Ты кандидат наук, или кто?

И пришлось нам с Игорем и Катей проводить военный совет, пытаясь вспомнить и адаптировать к космическим условиям всевозможные глупости, что творят с новобрачными в России.

Нам, правда, помогали с Земли. Там организовали целый штаб по проведению первой космической свадьбы в России и Японии. Французы и Американцы уже успели в этом отметить, но делали это на орбите Земли, а не в сотнях миллионах километров от нее.

Сначала руководство экспедицией было в шоке от новостей. Но умные люди в департаменте внешних связей быстро поняли, что это можно прекрасно раскрутить и пропиарить.

И тогда уже мы встали грудью на защиту наших товарищей от генерируемых земными умниками идей.

В результате получилось вот что.

Прежде всего мы остановили вращение «Циолковского». На Земле решили потратить немного горючего, но обряд провести в невесомости.

Мы соорудили Хане свадебное платье. Из тонкой, легкой, но прочной ткани, в которую были упакованы припасы. Катя, при моем чисто символическом участии, сшила нечто воздушное и полупрозрачное.

Тоненькая маленькая Хана утонула в этом просвечивающем облаке и смотрелась просто невероятно кавайно! Я еле удержалась от желания ее затискать и замимикать! Жалко, что туфельки не из чего было изготовить. Наша модельер скептически скривилась, глядя на Ханины кроссовки, и безапелляционно заявила:

— Лучше просто в носках, чем в этих страшилищах! Они весь дизайн испортят.

А вот с Федором было сложнее. Костюмов и фраков мы с собой в полет не захватили. Так что пришлось ему обойтись светло-зеленой майкой и темными штанами. Но, вот ведь удивительно, мужчина умудрялся выглядеть просто сногшибательно элегантно!

Ровно в полдень по Москве Хана и Федор стартовали из женской и мужской кают.

Они, вытянувшись в струнку, пролетели по трубам переходов. Я и Игорь следовали за ними. У меня перед носом маячили Ханины пятки в розовых носочках. А в переходном отсеке нас поджидала Катя. Ей выпала роль вести сие мероприятие.

— Хана Хаякава, действительно ли вы желаете взять в мужья Федора Мисалова? — строго спросила Екатерина.

— Без базара! — серьезнейшим тоном ответила девушка.

Катя скрипнула зубами, а я представила вытянувшиеся лица руководства в ЦУПе и ту реакцию, которую видео со свадьбы вызовет у сотен миллионов зрителей. Да, еще несколько десятков миллионов к числу Ханиных поклонников добавится. Без базара!

— Федор Мисалов, действительно ли вы желаете взять в мужья Хану Хаякаву?

Я заметила, как Игорь тихонько показывает жениху кулак.

— Э... Разумеется желаю! Я же не самоубийца!

— Я не могу соединить ваши сердца, — мстительно заявила Катя.

Новобрачные удивленно уставились на нее. А Катя сделала долгую паузу, наслаждаясь их оторопью, и продолжила:

— Эта роль слишком огромна для человека. Пусть вас благословит сама Вселенная, — и, чуть оттолкнувшись от стенки, освободила им проход в научный отсек. — Ваши доспехи ждут!

Хана, первая все поняла и чуть не затанцевала от восторга. С трудом остановила победный писк. Схватила Федора за руку и потянула к люку.

Мы все последовали за ними в шлюзовой модуль и помогли забраться в скафандры. Мы с Катей стянули с Ханы подвенечное платье, устроив наблюдателям в ЦУПе сеанс стриптиза.

Мы задраили люк и приникли к экранам. Две неуклюжие громоздкие фигуры выбрались наружу и, оттолкнувшись, полетели в открытый космос. Потом они, держась за руки, включили двигатели и, медленно набирая скорость, уплыли в черную безбрежность Вселенной.

Камеры продолжали следить за тем, как эта парочка отлетела на добрые полкилометра и сделала широкий круг почета вокруг «Циолковского».

Представляю, как это будут комментировать в фильме! «Их обвенчала сама Вселенная» или что-то в этом роде.

А ведь и вправду грандиозно!

Потом мы вынимали каких-то притихших и посветлевших лицами новобрачных, опять одевали Хану в платье, и сопровождали их в непривычно прибранный научный отсек. С помещениями на «Циолковском» была напряженка, поэтому мы решили пожертвовать этим. Оставшиеся приборы были задрапированы все той же упаковочной тканью. Надеюсь они

переживут сегодняшний день.

Немного смущенных Хану и Федора поздравили с Земли. Вернее, Игорь врубил заранее записанные поздравления, потому что ждать, когда с родной планеты прилетит сигнал было бы слишком долго.

Одухотворенного спокойствия новобрачным хватило ненадолго.

Свадьба перешла в стадию празднования.

Нам пришлось вспоминать навыки еды в невесомости, подзабытые за два месяца полета, мы чокались бутылочками, похожими на детские поилки с порошковым соком, озвучивая это возгласами «Дзынь». Большинством голосов — мы с Катей против Ханы, с двумя воздержавшимися мужчинами — решено было спиртное не бодяжить. У Кати, разумеется, был небольшой запас медицинского спирта, и в принципе немножко его можно было употребить, но мы не стали. А Хане Катя вообще пообещала устроить телесные наказания ремнем по попе: «Мало того, что ты решила своего ребенка подвергать космическим опасностям, так еще и спаивать его собралась!»

Но отсутствие алкоголя не помешало нам опьянеть от самой атмосферы происходящего.

Мы мучили новобрачных выкриками «Горько», заставляли их кормить друг друга едой из тюбиков на расстоянии. Пролетать через кольца из проволоки, соревнуясь на время. Причем и гибкий спортивный Федор, и непревзойденный пилот Хана, показали запредельные результаты по скорости и верткости.

Потом были танцы в невесомости, еще всевозможные конкурсы, перемежающиеся вкусняшками и воплями «горько».

В общем, повеселились мы на славу!

А вечером проводили молодоженов до их личных апартаментов — кораблика «Ласточки». Он был законсервирован, но мы с Игорем разбудили его систему жизнеобеспечения и терморегуляции. И напрочь отключили все камеры и микрофоны.

А сами мы, запыхавшиеся и уставшие, разместились в женской каюте и еще часа два втроем неспешно болтали обо всякой ерунде.

Нас ждали долгие четыре месяца полета и очень тревожный спуск на родную планету.

Больше книг на сайте - Knigolub.net